

СБОРНИКЪ

ИЗЪ ЛЕКЦІЙ БЫВШИХЪ ПРОФЕССОРОВЪ

КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ,

АРХИМАНДРИТА ИННОКЕНТІЯ,

ПРОТОІЕРЕЯ И. М. СКВОРЦЕВА,

П. С. АВСЕНЕВА (АРХИМАНДРИТА ВЕОФАНА)

И

Л. Н. АМФИТЕАТРОВА,

изданный академіею по случаю пятидесятилѣтняго юбилея ея
(1819—69).

КІЕВЪ.

Въ Типографіи Губернскаго Управленія.

1869.

ЗАПИСКИ

ПО

ПРАВСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

ПРОТОИЕРЕЯ ІОАННА СКВОРЦЕВА.

СВЯТАГО МУЧЕНИКА

КІЕВЪ.

Въ типографіи Губернскаго Управленія.

1869,

БИОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА.

Протоіерей Іоаннъ (Махайловичъ) Сквиорцевъ, изъ воспитанниковъ санкт-петербургской духовной академіи 2-го курса, былъ наставникомъ философіи въ кievской духовной академіи съ 1819-го (годъ ея преобразованія), по 1845-й годъ, а чтеніе лекцій, не по долгу наставника, а по свободному изволенію, согласно желанію начальства, безмездно продолжалъ по 1849-й годъ. Въ первые четыре года онъ одинъ преподавалъ въ академіи всѣ, положенныя академическимъ уставомъ, философскія науки, то есть какъ самую т. н. *Систему философіи*, въ составъ которой входили: опытная психологія, логика, метафизика и нравственная философія, такъ и *Исторію философскихъ системъ*. Но въ 1823 году, когда, по окончаніи перваго академическаго курса, назначенъ былъ въ помощь ему, по классу философіи, одинъ изъ воспитанниковъ этого курса (Карлъ Грузинъ), онъ оставилъ за собою преподаваніе одной только Системы философскихъ наукъ, предоставивъ преподаваніе Исторіи философіи своему помощнику; и съ этого времени, уже до самаго конца профессорской службы своей въ академіи, неизмѣнно преподавалъ почти всѣ, входившія тогда въ систему философіи, философскія науки (за исключеніемъ *Опытной психологіи*, преподаваніе которой съ 1832 г. поручено было особому третьему наставнику), и одного отдѣла нравственной

Философін, т. в. *естественнаго права*, преподаваніе котораго въ 1836 г. возложено было на наставника по Исторіи философін).

Такимъ образомъ онъ былъ первымъ по времени и въ теченіи болѣе четверти вѣка главнымъ наставникомъ философін въ кievской духовной академіи, по ея преобразованіи. Подъ его руководствомъ и вліяніемъ получили философское образованіе четырнадцать курсовъ академическихъ воспитанниковъ; да и всѣ, безъ исключенія, бывшіе и существующіе наставники философін въ кievской духовной академіи, были и есть—или его непосредственныя ученики или ученики учениковъ его...

Какъ профессоръ, занимавшій столь долгое время кафедру философін въ академіи и занимавшійся изученіемъ и преподаваніемъ философскихъ наукъ съ постоянно ровнымъ усердіемъ и искреннею, теплою расположенностію, онъ обладалъ глубокими и основательными познаніями во всѣхъ отрасляхъ философін; развитый и укрѣпленный самостоятельнымъ, аналитико-критическимъ изученіемъ древнихъ и новыхъ философскихъ системъ, болшею частію въ оригинальныхъ текстахъ ихъ, умъ его былъ въ высшей степени остръ и пронизателенъ, гибокъ и изворотливъ, равно силенъ и въ анализѣ и въ критикѣ и діалектикѣ; а обогащенное разнообразными, болшею частію самыми точными и вѣрными представленіями изъ многообразныхъ областей человѣческаго знанія (онъ основательно зналъ и науки математическія, и физическія, и историческія, и богословскія), воображеніе его было настолько живо и подвижно, что во всякое данное время могло, по требованію разума, доставлять ему обширный и разнообразный матеріалъ для умственныхъ соображеній, объясненій и приложеній... При всемъ томъ философскія лекціи, читанныя имъ въ академіи, и въ самую даже цвѣтущую пору его молодости (насколько вѣрно оставшаяся

III

въ академіи преданіе), не отличались особенно ни обширною и многостороннею философскою ученостію, ни особенною широтою и многообъемлемостію воззрѣній, ни тонкими діалектическими извитіями мысли, ни обширными и глубокими анализами, словомъ—не имѣли въ себѣ ничего блестящаго, съ непосредственною силою дѣйствующаго на воображеніе и чувство слушателей... Онъ не былъ, да какъ по умственному, такъ особенно по нравственному характеру и настроенію своего духа, а наконецъ и по самымъ педагогическимъ началамъ своимъ, и не хотѣлъ быть, что называется, *блестящимъ профессоромъ*.

Но не имѣя въ себѣ ничего блестящаго, чтенія его, въ замѣнъ того, отличались другаго рода, гораздо болѣе цѣнными, особенно въ наставникѣ философіи, достоинствами: необыкновенною ясностію и опредѣленностію понятій, здравомысліемъ и благонадежною твердостію сужденій, основательностію и строгою послѣдовательностію выводовъ и умозаключеній, словомъ—*разумностію* или логичностію въ истинномъ и высшемъ ея значеніи.

Этимъ внутреннимъ, логическимъ достоинствамъ его лекцій вполне соответствовали и вишнія, литературныя ихъ качества. Не отличаясь ни особеннымъ изяществомъ и красотою одушевленнаго ораторскаго слова, умѣющаго представлять общія, отвлеченныя понятія разума въ конкретныхъ, чувственно наглядныхъ образахъ,—ни плодovitію рѣчи, посредствомъ многоразличныхъ словесныхъ оборотовъ и изворотовъ умѣющей извивать и видоизмѣнять одну и ту же мысль на разные лады, слово его, напротивъ, всегда было просто и естественно, чуждо всякихъ риторическихъ прикрасъ и фразистой философской терминологіи, но съ тѣмъ вмѣстѣ необыкновенно точно, полно, вѣрно, мѣтко и выразительно, какъ слово вполне обдуманное, всецѣло разумное. Этотъ—разумный характеръ его чтеній выражался наконецъ и въ самомъ произношеніи ихъ, чуждомъ

всякой аффектаціи, жестомъ, спокойномъ, медленномъ и мѣрномъ, изрѣзка сопровождавшемся какимъ либо энергическимъ жестомъ, выражающимъ твердость и благонадежность выражаемаго имъ сужденія, — при чемъ каждое слово, произносимое имъ съ удареніемъ и вѣсомъ, какъ бы врѣзывалось въ умъ слушателей и само собою удерживалось въ ихъ памяти.

Поэтому образовательное вліяніе его лекцій на умы слушателей, хотя оно и не кидалось въ глаза съ перваго взгляда, тѣмъ не менѣе въ дѣйствительности было столько же глубоко, сколько и благотворно. Читенія его не увлекали ума и воображенія студентовъ по извѣстному направленію мыслей, но за то всегда просвѣтляли ихъ умъ, очищали и проясняли ихъ понятія, приучали ихъ къ ясному, отчетливому и основательному мышленію; они не волновали ихъ чувствъ, не приводили ихъ въ возбужденное состояніе, не восхищали; но за то, выслушиваемыя всегда съ полнымъ и ничѣмъ не волнуемымъ вниманіемъ мысли, они и усвоились ими съ такимъ же яснымъ и полнымъ сознаніемъ, съ какимъ и преподавались имъ. Вообще говоря, умственная пища, которую онъ предлагалъ своимъ воспитанникамъ, была далеко не роскошна, не слишкомъ и разнообразна, и ужъ совсѣмъ не изысканна, но проста, здорова и питательна. Нельзя сказать, впрочемъ, чтобы по этому самому она была слишкомъ легка для студентовъ академіи и дѣйствовала на умъ ихъ разслабляющимъ образомъ; нѣтъ, уже потому самому что она содержала въ себѣ, какъ бы въ извлеченіи, самыя питательныя для ума ихъ элементы, она всегда имѣла въ себѣ силу достаточнымъ образомъ возбуждать ихъ умъ, и такъ какъ предлагалась имъ всегда въ видѣ сосредоточенномъ, а не разжиженномъ, то, для полнаго усвоенія своего, всегда требовала отъ пріемлющихъ ее, хотя и не слишкомъ напряженнаго, но все же значительнаго умственнаго труда.

и такимъ образомъ дѣйствовала на ихъ умъ сколько возбуждающимъ, столько же и укрѣпляющимъ способомъ.

При томъ же, сообщая своимъ слушателямъ всегда не многое, самое существенное и основное, профессоръ Скворцовъ обыкновенно требовалъ отъ нихъ самихъ многого, и именно, чтобы они не только вѣрно и точно, съ полнымъ и яснымъ разумѣніемъ могли передавать ему (на репетиціяхъ) то, что отъ него приняли, но и сами отъ себя присоединяли къ воспринятому плоды своего собственного размышленія и такимъ образомъ возвращали ему ввѣренные имъ таланты умноженными и приращенными. Въ слѣдствіе этого-то, въ высшей степени разумнаго педагогическаго правила, всегда строго и точно имъ выполняемаго, все сказанное имъ на лекціи должно было не только въ цѣлости сохраняться въ памяти слушателей его, но, дѣятельно разрабатываемое и развиваемое ихъ само-дѣятельною мыслию, становится въ нихъ плодотворнымъ зерномъ, приносящимъ обильные и многообразные плоды...

Чтобы облегчить для студентовъ академіи этотъ умственный трудъ и дать ему должное направленіе, онъ, по окончаніи каждой лекціи, обыкновенно тотчасъ же, не выходя изъ класса, выдавалъ имъ на руки краткій письменный очеркъ ея содержанія (обыкновенно состоявшій изъ одного листа разгонистаго письма), который долженъ былъ служить для нихъ пособіемъ на репетиціяхъ и экзаменахъ. Изъ этихъ-то очерковъ, послѣдовательно и аккуратно выдаваемыхъ профессоромъ, въ теченіи двухъ-лѣтняго академическаго курса философіи, и составлялись т. н. *записки*.

Такъ какъ записки эти, а не содержаніе и не формы словъ, были только сокращенно изложенныя устные его лекціи, то и достоинства ихъ, какъ логическія, такъ и литературныя, были тѣже, что и устныхъ его лекцій; во всякомъ случаѣ, по этимъ запискамъ можно составить довольно вѣрное понятіе о его лекціяхъ.

Такихъ записокъ по философіи профессоромъ Свворцовымъ, въ продолженіе 25-ти лѣтней наставнической дѣятельности его въ академіи, составлено было два рода: первоначально, въ теченіе первыхъ 10 лѣтъ своей службы, онъ преподавалъ философію науки на латинскомъ языкѣ, какъ преподавались тогда въ академіи и всѣ почти науки; въ соответствии этому и записки по философіи, выдаваемые имъ студентамъ, первоначально составлены были имъ на *латинскомъ языкѣ*. Онѣ написаны были имъ въ первые четыре года его академической службы и служили учебнымъ руководствомъ для студентовъ академіи на репетиціяхъ и экзаменахъ до 1826 года ¹⁾. Но съ 1831 года, по предложенію и примѣру ректора академіи архим. Иннокентія, онъ началъ преподавать философію на русскомъ языкѣ, а потому составилъ для студентовъ академіи новыя, значительно отличающіяся отъ прежнихъ, какъ по объему и содержанию, такъ и по изложенію, записки по философіи -- на *русскомъ языкѣ*. (Онѣ гораздо короче латинскихъ, но зрѣлѣе и самостоятельнѣе). Онѣ написаны были имъ, какъ кажется; въ теченіе двухъ академическихъ курсовъ, отъ 1831 по 1835 годъ.

При составленіи какъ тѣхъ, такъ и другихъ записокъ, онъ руководствовался, какъ можно замѣчать при внимательномъ ихъ изученіи, преимущественно сочиненіями тѣхъ нѣмецкихъ писателей по части философіи, которые принадлежали частію къ Лейбнице-Вольфіанской (*Карне, Баумстера, Винклера* и др., системы которыхъ признаны были въ то время и ком-

¹⁾ Въ 1826 году комиссією дух. училищъ предписано было всѣмъ наставникамъ академіи, въ видахъ введенія однообразнаго порядка преподаванія философскихъ наукъ, руководствоваться въ изложеніи философскихъ предметовъ исключительно латинскимъ учебникомъ по философіи *Винклера*, который г. обр. отъ 1826 до 1831 г., въ продолженіе двухъ академическихъ курсовъ, и служилъ дѣйствительно въ кievской академіи единственнымъ руководствомъ по философіи, какъ для наставниковъ, такъ и для студентовъ. (См. архивъ)

мисією духовн. училищъ надежнѣйшими руководствами при преподаваніи философіи въ семинаріяхъ и академіяхъ), а частію въ Кантовской школѣ (особенно *Круга*, сочиненія котораго онъ и рекомендовалъ студентамъ академіи первыхъ трехъ курсовъ имѣть настольною книгою при изученіи философіи); но руководствовался однакожъ вполне самостоятельно, сохраняя и выдерживая повсюду полную свободу и независимость своего ума—какъ относительно самаго содержанія понятій, такъ и способа ихъ изложенія. Эту умственную самостоятельность, вообще говоря, онъ настолько цѣнилъ и уважалъ какъ въ себѣ самомъ, такъ и въ другихъ, что ни себѣ самому не позволялъ никогда какого либо рабскаго подражанія, заимствованія, или необдуманнаго увлеченія чѣмъ бы то ни было словомъ или мнѣніемъ, ни въ другихъ не одобрялъ подобнаго рода умственныхъ подражаній, заимствованій и увлеченій ¹⁾...

На русскомъ языкѣ имѣются записки его по логикѣ и гносеологін, метафизикѣ (умственному мірословію и богословію) и нравственной философіи. Всѣ онѣ почти одинаковыхъ достоинствъ.

Въ выраженіе и сохраненіе признательной памяти о продолжительномъ и благотворномъ вліаніи его педагогически-образовательной дѣятельности на развитіе и укрѣпленіе философской мысли въ академіи, академія положила напечатать въ предлагаемомъ сборникѣ, для образчика, записки его по нравственной

¹⁾ Этими-то несовершеніями въ немъ чувствомъ любви и уваженія къ самостоятельности объясняется, какъ мы полагаемъ, и то, почему и на лекціяхъ своихъ, объясняя какой либо предметъ, онъ никогда почти не входилъ въ обширныя историческія обозрѣнія различныхъ мнѣній о немъ философовъ, и если касался мнѣнія какого либо философа, то для того только, чтобы или опровергнуть его, или противопоставленіемъ его истинному ученію лучше отъбѣнить сущность послѣдняго,—а раскрывая свое положительное ученіе почти никогда не поддерживалъ его мнѣніями другихъ мыслителей..., да и вообще говоря, не любилъ щеголять ученостію.

философiи, потому что, при одинаковыхъ логическихъ и литературныхъ качествахъ съ другими записками, онѣ больше и больше выражаютъ какъ умственный, такъ и нравственный характеръ и строй его мыслей; по содержанию своему—общедоступны и, независимо отъ учебнаго ихъ характера, назидательны для большинства читателей, да и по изложенiю своему и научной обработкѣ предмета, какъ кажется, еще самостоятельны и зрѣлы, чѣмъ другія его записки. Такъ, по крайней мѣрѣ, если мы вѣрно истолковываемъ этотъ фактъ, понимали ихъ въ этомъ послѣднемъ отношенiи какъ самъ составитель ихъ, не подвергавшій ихъ послѣ составленiя ни малѣйшей передѣлкѣ, въ продолженiе болѣе 10-ти лѣтъ, до самаго конца профессорской своей службы, такъ и премники его по кафедрѣ нравственной философи, считавшіе долгомъ рекомендовать студентамъ академiи эти записки въ руководство на репетиціяхъ и экзаменахъ, какъ произведенiе вполне зрѣлое и благонадежное, во все время, пока нравственная философія преподавалась въ академiи.

Д. П.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ ПОНЯТІЯ.

ОБЪ ОСНОВНЫХЪ НАЧАЛАХЪ И ГЛАВНЫХЪ ЧАСТЯХЪ ПРАВСТВЕННОЙ ФИЛОСОФІИ.

А. **Объ основныякъ началахъ (или необходимыахъ предположеніяхъ) нравственной философіи.**

Философія нравственная, излагая законы и правила для нашей воли, разсматриваетъ человѣка, какъ лице, т. е. такое дѣйствующее существо, котораго дѣйствія подлежатъ нравственной оцѣнкѣ или виѣненію. Но поелику нравственное виѣненіе предполагаетъ въ существѣ ему подлежащемъ съ одной стороны свободную волю, а съ другой правильный законъ, съ которымъ дѣйствіе первой должно сообразоваться, то, прежде нежели будемъ разсматривать систему нравственной философіи, мы должны показать—I) существованіе и свойство нашей нравственной свободы, II) существованіе и свойство нравственнаго закона.

1. *О свободѣ нравственной.*

1) Въ чемъ состоитъ свобода нравственная, 2) живеть ли такое существо, 3) каковы свойства нашей свободы?

1. Для того, чтобы чья либо дѣйствія заслуживали оцѣнку нравственную, нужно, чтобы производящій ихъ дѣйствовалъ самъ собою, опредѣляя себя къ дѣйствию по своимъ представленіямъ, — а не былъ приводимъ къ тому силою внѣшнею, какъ машина, или понуждаемъ однимъ слѣпымъ инстинктомъ, какъ животное неразумное. Способность опредѣлять самого себя къ дѣйствию, по представленіи извѣстной цѣли, и такимъ образомъ начинать новый рядъ дѣйствій, не имѣющій необходимой связи съ дѣйствіями предыдущими, есть то, что называется *свободою воли*. Опредѣлять же самого себя къ дѣйствию не иначе можно, какъ избирая изъ многихъ, или, правильнѣе, изъ двухъ противоположныхъ направленій одно, и слѣд. поставя себя въ срединѣ между двумя нравственными противоположностями (добромъ и зломъ) и потомъ рѣшаясь принять то или другое направленіе воли. Поэтому свободу опредѣляютъ еще такъ: она есть способность поставять себя въ состояніе безразличное между двумя противоположностями нравственными или избирать одну изъ нихъ.

2. Имѣеть ли человекъ эту способность; можетъ ли онъ самъ себя опредѣлять къ дѣйствию по одному представленію цѣли; можетъ ли поставять себя въ состояніе безразличія между двумя нравственными противоположностями?

Если обратимся къ сознанию нашему, а не къ умствованіямъ, то не можемъ сомнѣваться въ томъ, что свободная воля дѣйствуетъ въ насъ и внутренно и внѣшно. Мы можемъ начинать свободно размышленіе о томъ или другомъ предметѣ, можемъ продолжать размышленіе свое, кончать его и обратиться къ другому предмету. Мы свободно дѣйствуемъ на тѣло и, сообразно нашимъ желаніямъ, приводимъ его въ движеніе. Правда, въ той и другой области дѣйствій мы встрѣчаемъ много препятствій и неудобствъ; не всегда можемъ продолжать размышленіе, сколько угодно; въ движеніяхъ тѣла также чув-

ствуемъ усталость и не можемъ продолжать ихъ долго: но это показываетъ только то, что воля наша не имѣетъ силы неограниченной, а не то, чтобы она не имѣла никакой свободы.

Нравственное обвиненіе или оправданіе самихъ себя доказываетъ также то, что мы свободны. Мы избираемъ что либо, и если въ избраніи погрѣшили произвольно, потому что не осмотрѣли предмета какъ должно—предалась смѣло первому впечатлѣнію, тогда мы обвиняемъ самихъ себя; но если сознаемъ, что погрѣшность наша была неизбежна, тогда не винимъ, не упрекаемъ себя. Это обвиненіе и оправданіе внутреннее необходимо предполагаетъ, что мы имѣемъ способность избирать что либо произвольно, опредѣлять самихъ себя къ дѣйствию и слѣд. имѣемъ свободу нравственную.

Но то, о чемъ столь неопровержимо свидѣтельствуетъ намъ наше сознаніе, неспровергается, повидимому, умствованіями. Причины, по которымъ не хотятъ допустить въ насъ свободы, ищутъ:

а) внутри насъ, не только въ чувственныхъ склонностяхъ нашихъ и страстяхъ, которыхъ самовластія въ насъ отрицать нельзя,—но и въ самомъ представленіи того или другаго добра, которымъ возбуждаемся мы къ извѣстному дѣйствию.

б) внѣ насъ—въ воспитаніи, общежитіи, примѣрахъ другихъ, въ родѣ нашихъ занятій, должностей и т. под. обстоятельствахъ, которыя даютъ непроизвольное направленіе нашей дѣятельности, и

наконецъ в) въ самомъ понятіи о промыслѣ и міроуправленіи Божиемъ, съ которымъ, говорятъ, нельзя согласить свободы нашей. Разсмотримъ, что все это доказываетъ, и чего не доказываетъ.

а) Неоспоримо то, что воля наша встрѣчаетъ множество препятствій въ насъ самихъ, когда мы опредѣляемъ себя къ дѣйствию, требуемому закономъ нравственнымъ; согласимся даже

въ томъ, что въ дѣйствіяхъ, противныхъ этому закону, мы испытываемъ въ себѣ мѣже препятствій: здѣсь помогаетъ намъ превратная наклонность наша къ дѣйствіямъ чувственнымъ и корыстнымъ, а тамъ мы должны сражаться съ этою наклонностію и побѣждать ее. Но все это показываетъ только нечистоту и поврежденность нашей воли, а не отвергаетъ ее свободы. Это значить, что свободное начало воли нашей раскрывается въ насъ среди силъ ему противодействующихъ, что оно есть какъ свѣтъ сіяющій во тмѣ, съ которою борется, и какъ начало безсмертной жизни, которое раскрывается среди тлѣнія и непрестанной борьбы стихій. Свободное начало наше можетъ соединиться въ насъ или съ огнемъ страстей, или съ чистымъ пламенемъ любви къ Богу; но собственно оно не есть ни то ни другое: въ насъ всегда есть возможность поставлать себя въ срединѣ между двумя противоположностями и соединять волю свою съ тою или другою.

Но какое, говорятъ, тамъ состояніе среднее или безразличное, гдѣ мы всегда опредѣляемся представленіемъ блага лучшаго, хотя бы то и мнимаго? Легкъ замѣчаетъ, что мы слѣдуемъ представленію лучшаго блага и тогда, когда кажущееся добро предпочитаемъ истинному. По устроенію души нашей, говоритъ онъ, лучшимъ благомъ представляется намъ всегда то, которое въ настоящее время доставляетъ намъ большее удовольствіе, и ближайшее благо всегда кажется намъ лучшимъ, подобно тому, какъ ближайшій домъ кажется выше отдаленной горы. Замѣтимъ, что этотъ, подобный оптическому, обманъ, должно относить болѣе къ чувству, нежели къ разуму, который при всей ограниченности своей понимаетъ высшую цѣну блага, хотя бы и отдаленнаго. Изъ этого опять мы заключаемъ, что воля наша повреждена и удалена отъ истинной цѣли своей. Ибо если бы она была въ соединеніи съ высшимъ благомъ, тогда всякое другое благо казалось бы и самому чун-

ству нашему отдаленнымъ, а ближайшимъ—одно благо высшее, подобно тому, какъ представляются всѣ точки внѣ центра въ кругѣ отдаленными тому, кто находится въ самомъ центрѣ. Но это также не лишаетъ насъ свободы, потому что и при удаленіи отъ блага всесовершеннаго мы не лишены способности отлагать на время рѣшимость нашу въ избраніи благъ. Это неопровержимо доказываютъ опыты обращенія на добрый путь самыхъ закоренѣлыхъ злодѣевъ, а также и опыты паденія людей уже много успѣвавшихъ въ добродѣтели. Первое не было бы возможно даже при сверхъестественной помощи, если бы не было въ человѣкѣ свободы, а послѣднее и при чрезвычайныхъ пособіяхъ возможно опять потому только, что у человѣка есть свобода.

б) Внешнія обстоятельства дѣйствительно имѣютъ сильное вліяніе на образъ нашихъ дѣйствій. Они могутъ ускорять или замедлять наше усовершенствованіе нравственное. Но могутъ ли они принести въ насъ свободу, если бы мы ее не имѣли, и могутъ ли ее отнять у насъ, когда мы ее имѣемъ? Человѣкъ наилучшимъ образомъ воспитанный, получившій навыкъ въ известномъ родѣ добрыхъ дѣйствій, можетъ всегдаставлять себя въ средоточіе свободнаго избранія: оттого получившіе одинаковое воспитаніе часто бываютъ весьма различныхъ свойствъ. Образованіе, примѣры и т. п. даютъ большую силу нашимъ наклонностямъ и измѣняютъ ихъ, но не измѣняютъ нашей свободы, или лучше, измѣняютъ только относительно свободу нашу, т. е. удобность или неудобность дѣйствованія въ томъ или другомъ родѣ дѣйствій, а не самое основное начало свободы, которое всегда остается, какъ бессмертный даръ Божій, неизмѣненнымъ. Слѣдуя пріобрѣтеннымъ наклонностямъ, злодѣй выполняетъ губительный планъ свой съ рѣшительною волею; но если отнять у него побужденія, то онъ съ такою же рѣ-

пительностію можетъ начать совсѣмъ новый рядъ дѣйствій, противоположный прежнему.

в) Какъ, наконецъ, согласится свобода наша съ міроправленіемъ Божественнымъ? Если предопредѣлено быть въ мірѣ какому либо происшествію, въ которомъ необходимо дѣйствіе людей, то повидимому должны быть предопредѣлены и извѣстнымъ образомъ направлены самія дѣйствія людей, а слѣд. они несвободны. Но это возраженіе дѣлается беспильнымъ, когда представляемъ себѣ, что Всевѣдущій прозрѣваетъ во всѣ будущія дѣйствія наша, что Онъ видитъ отъ вѣчности тѣ дѣйствія, которыя не противны предначертанному Имъ плану, видитъ и тѣ, которыя будутъ тому противны, а потому, безъ сомнѣнія, предположилъ быть осуществленію своего предначертанія въ самое приличное время, — когда менѣе всего можетъ быть дѣйствій свободныхъ, тому противодѣйствующихъ. Притомъ, какъ всемогущій и премудрый, Онъ всегда виѣтъ безчисленныя средства удержать потокъ зла, стремящійся испровергнуть Его порядокъ. Одно изъ таковыхъ средствъ есть смерть, которая, какъ показываетъ исторія, постигаетъ иногда самовольныхъ дѣйствователей на половинѣ ихъ поприща, или въ виду цѣли, къ которой они стремились. Такъ предопредѣлено быть явленію Спасителя въ мірѣ, и Онъ явился въ самое приличное время, не смотря на то, что были враждебныя силы, готовые поглотить Его, и лица земли при самомъ Его рожденіи.

3. Теперь можно видѣть, въ чемъ состоитъ свобода, намъ свойственная, и какия ея свойства по отношенію къ нравственности.

а). Въ насъ есть начало свободное, никогда неизмѣняемое, какъ существенная принадлежность свободы разумной.

б). Но это начало, въ проявленіи своемъ, встрѣчается въ насъ съ различными силами, или благопріятными, или враждебными для нравственности.

в). Потому свобода наша въ явленіи есть только относительная, и можетъ или возвышаться до качества свободы истинной, или унижаться до свободы ложной, т. е. до рабства страстей.

г). Доколѣ природа наша не освободится совершенно отъ побужденій враждебныхъ нравственности, доколѣ при всякомъ совершенствѣ нравственномъ со стороны нашей всегда есть возможность ниспаденія воли до свободы ложной.

д). Но съ другой стороны надобно представить совершенное отсутствіе въ насъ всякаго чувства нравственнаго, чтобы свободное начало наше не могло уже соединяться ни съ какою благою силою, направляющею насъ къ лучшему.

е). Но можетъ ли воля наша возвышаться до истинной свободы сама собою? Для этой возможности нужно, чтобы въ самой природѣ нашей возродились такія благія силы, которыя могли бы совершенно побѣдить силы злыя, и съ которыми бы свободное начало наше соединилось и въ этомъ единеніи осталось навсегда.

II. О существованіи и свойствахъ закона нравственнаго.

1) Что называется закономъ нравственнымъ, 2) точно ли онъ въ насъ существуетъ, и 3) въ какомъ состояніи онъ въ насъ существуетъ?

1. Когда есть дѣятельность, совершенно отличная отъ той дѣятельности, каковую находимъ въ природѣ физической—дѣятельность свободная, то и законы этой дѣятельности должны быть совершенно особенные. Въ природѣ физической все дѣйствуетъ по законамъ необходимости. Здѣсь ни одно существо не можетъ иначе дѣйствовать, нежели какъ дѣйствуетъ; самыя животныя слѣпо слѣдуютъ своему инстинкту. Но законы

свободной дѣятельности должны быть таковы, чтобы существа дѣйствующія по нимъ налагали сами на себя необходимость сохранять ихъ, чтобы дѣйствовали съ сознаниемъ ихъ достоинства и важности. Такіе законы называются нравственными.

Если они принимаются въ самую волю существа нравственнаго—свободнаго и дѣлаются силою опредѣляющею его дѣйствія, тогда они составляютъ вмѣстѣ и *правила* или *нормы* воли. Но правила воли могутъ быть и отличны отъ закона и даже противны ему, если мы опредѣляемъ себя къ дѣйствию другими побужденіями, кромѣ закона; даже въ отношеніи къ одному и тому же закону они могутъ быть различны.

Впрочемъ законъ, при всей измѣняемости нашихъ правилъ, остается всегда неизмѣннымъ и не теряетъ своей обязательной силы; потому онъ есть нѣчто отъ насъ независимое, подлежательное, всеобщее. Сообразность дѣйствій съ закономъ называется *законностію* дѣйствій, а сообразность самаго правила нашей воли съ закономъ есть *нравственность* дѣйствій. Когда дѣйствіе сообразно съ подлежательнымъ правиломъ нашей воли, то здѣсь выражается *угодность* нашей волѣ; но когда образъ дѣйствія нашего сообразенъ съ самимъ закономъ, тогда въ немъ выражается *угодность* закону или *долгъ*.

2. Дабы увѣриться въ существованіи въ насъ законовъ нравственныхъ, довольно обратиться къ внутреннему сознанию нашему и къ общему смыслу людей.

Всякій изъ насъ, при произведеніи нѣкоторыхъ дѣйствій, чувствуетъ удовольствіе, совершенно отличное отъ удовольствій чувственныхъ и корыстныхъ, отъ другихъ же дѣйствій—не удовольствіе, безпокойство, также особеннаго рода. Удовольствія чувственныя такого рода, что они не могутъ продолжаться долго и оставляютъ мѣсто отвращенію или къ предмету или къ намъ самимъ. Напротивъ удовольствіе происходящее отъ дѣлъ чело- вѣколюбія, великодушія, особенно любви къ Богу—таково, что

оно бывает живо и въ самой старости и дѣлается утѣшеніемъ да самомъ одрѣ смертномъ. Что оно не есть что либо корыстное, видно изъ того, что чѣмъ безкорыстнѣе бываетъ доброе дѣло наше, тѣмъ удовольствіе отъ него выше и сладостнѣе. Совершенно также отлично отъ всѣхъ другихъ скорбей и неудовольствій то безпокойство, какое испытываетъ въ себѣ сдѣлавшій другому зло, несправедливость. Онъ мучитъ самъ себя за оскорбленіе, нанесенное имъ другому, и при всѣхъ другихъ удовольствіяхъ, при всѣхъ даже похвалахъ льстецовъ, онъ не можетъ не чувствовать внутренно къ себѣ преврѣнія. Нѣтъ сомнѣнія, что это сознаніе достоинства или недостоинства нравственнаго, или, такъ называемая, совѣсть, такъ же намъ врождено, какъ любовь къ жизни, какъ склонность къ обществу, какъ чувство истины; а посему нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что въ насъ есть законъ добра, такъ же какъ есть законъ истины. Имъ однимъ можно объяснить то, почему нѣкоторые дѣйствія заслуживаютъ одобреніе у всѣхъ народовъ, а другихъ никто уважать и любить не можетъ. Въ томъ преимущественно предположеніи, что всѣ люди соединены однимъ закономъ внутреннимъ, существуютъ и общества человѣческія. Безъ этой увѣренности мы чуждались бы, боялись другъ друга, убѣгали одинъ отъ другаго.

Возражаютъ: не одно ли воспитаніе, или постановленія гражданскія производятъ въ насъ то нравственное сознаніе, которое называемъ мы основаннымъ на самой природѣ нашей? Отвѣчаемъ: воспитаніе можетъ усилить или ослабить въ насъ чувство нравственное, но не можетъ дать его намъ, или совсѣмъ истребить его въ насъ. Тоже должно сказать о законахъ гражданскихъ. При томъ, и воспитаніе и законы различны, но чувство нравственное у всѣхъ одно. Не противно этому то, что у нѣкоторыхъ народовъ позволялись или позволяются нѣкоторыя дѣйствія, несогласныя съ закономъ нравственнымъ, напр.

у спартапцевъ воровство, у древнихъ римлянъ похищеніе бѣдныхъ дѣтей, у нѣкоторыхъ одичалыхъ народовъ убіеніе престарѣлыхъ родственниковъ. Это нравственныя заблужденія, которыя въ основаніи своемъ имѣли также чувство доброе, но сдѣлали изъ него худое употребленіе. Спартапецъ красть не изъ корыстолюбія, но потому, что законъ запрещалъ ему имѣть излишнюю собственность. Дѣтей похищали отъ того, что не могли ихъ воспитать, и тогда, когда не было у римлянъ общественныхъ заведеній. Убивали престарѣлыхъ, желая избавить ихъ отъ тягостной жизни. Такія нравственныя заблужденія еще менѣе доказываютъ отсутствіе закона нравственнаго, чѣмъ ложныя системы философовъ — отсутствіе законовъ истины. Могутъ еще сказать: для чего же нужно откровеніе Божественное, когда есть законъ внутренній? Для того, между прочимъ, чтобы болѣе прояснить сей самый законъ, къ которому люди сдѣлались очень невнимательны, и чтобы избавить ихъ отъ тѣхъ нравственныхъ заблужденій, которыя унижаютъ человѣчество.

3. Въ какомъ состояніи находится законъ нравственный въ человѣкѣ?

Нравственный законъ, лежащій въ основаніи вселенной природы разумной, источникомъ своимъ имѣетъ волю Божию все-святую, и притомъ не есть произведеніе Божіе во времени, а также вѣченъ какъ и святость Божія. Посему онъ самъ въ себѣ одинаковъ, неизмѣнно святъ, божественъ. Но природа человѣческая къ нему не въ томъ отношеніи, въ какомъ природа совершенная, святая, утвержденная въ добрѣ. Въ сей послѣдней законъ всегда есть вмѣстѣ и правило воли, но въ первой законъ и правило бываютъ различны. Вотъ новое доказательство того, что природа наша находится въ состояніи поврежденія, что она только стремится къ совершенству, но не имѣетъ его. Законъ нравственный есть путеводная звѣзда къ

совершенству. Эта звезда всегда неподвижна и одинаково свѣтла; но она можетъ скрываться и потемняться, потому что атмосфера, окружающая духъ человѣскій, нечиста. Спрашиваютъ: гдѣ собственно законъ нравственный? Какая сила души всего ближе къ нему? Разумъ, воля, или чувство? Если бы этотъ законъ былъ въ одномъ разумѣ, то доброты нравственной мы не могли бы сознать дотолѣ, пока не раскроется разумъ, а онъ раскрывается очень поздно—въ лѣтахъ зрѣлости. Притомъ, безъ чувства разумъ не могъ бы представить намъ той красоты, которую сознаемъ мы въ добродѣтели. Но съ другой стороны нельзя полагать законъ этотъ и въ одномъ чувствѣ. Добродѣтель при одномъ чувствѣ была бы дѣломъ инстинкта, и чѣмъ болѣе успѣвалъ бы разумъ, тѣмъ болѣе ослаблялось бы чувство. Итакъ законъ нравственный находится и въ разумѣ и въ чувствѣ; первый созерцаетъ и уважаетъ въ немъ божественную истину, послѣднее въ немъ же сознаетъ божественную красоту. Но есть ли законъ нравственный въ самой волѣ человѣка? Здѣсь-то всего болѣе открывается поврежденіе природы нашей, уклоненіе ея отъ закона нравственнаго. Расположеніе воли нашей къ добру не столь сильно, какъ расположеніе разума къ истинѣ въ добрѣ и расположеніе чувства къ красотѣ добра. Такимъ образомъ самая средоточная сила души нашей представляется какъ бы сдвинутою съ своего мѣста, не имѣющею не только преимущественной склонности къ добру, но и потерявшею самое равновѣсіе нравственное.

Послѣ сего можно видѣть, что должно быть главнымъ условіемъ для совершенства нравственности. Необходимо болѣе всего утверждать нашу волю въ добрѣ, направлять ее къ одному закону нравственному. Какъ и чѣмъ можемъ способствовать тому мы сами, это открываетъ намъ *нравственная философія*.

главныхъ частяхъ нравственной философіи.

Такъ какъ нравственная философія вообще занимается изслѣдованіемъ и систематическимъ распредѣленіемъ законовъ нравственныхъ; то и главные части этой науки должны быть произведены изъ того главнаго различія, какое находится въ законахъ нравственныхъ. Почему мы должны рассмотреть: 1) различіе между законами справедливости и законами честности; 2) между должностями права и должностями добродѣтели; 3) между правомъ и должностію вообще, и наконецъ 4) — главные части науки нравственной философіи.

1) Свободная дѣятельность человѣка есть или вѣшная, подлежащая усмотрѣнію и сужденію другихъ, или внутренняя, извѣстная только его совѣсти. Въ первомъ случаѣ воля одного въ дѣйствіи своемъ встрѣчается съ дѣйствіями многихъ другихъ волей, также свободныхъ, и въ такомъ соприкосновеніи ихъ кругъ свободы каждаго дѣйствующаго не можетъ не ограничиваться и не стѣсняться. Итакъ если бы кругъ дѣйствій каждаго ничѣмъ не опредѣлялся, если бы не назначались предѣлы, которыхъ ни самъ дѣйствующій въ своемъ кругѣ, ни внѣ его другіе преступать не должны; то жизнь человѣческая была бы совершенный хаосъ, непрестанная вражда, состояніе самой истребительной войны. Такое состояніе представлять естественнымъ противно и разуму и исторіи. Люди всегда живутъ въ какихъ нибудь обществахъ, и главнѣйшія отношенія ихъ между собою опредѣляются не по какому либо соглашенію ихъ произвольному, а основаны на самой ихъ природѣ. Таковы наприм. отношенія сына къ отцу, младшаго къ старшему, облагодѣтельствованнаго къ благодѣтелю, а при лучшемъ устройствѣ общества — гражданъ къ верховному правителю. Все это доказываетъ то, что есть у насъ внутренніе законы, которыми опредѣляются должныя отношенія людей и ограничиваются сферы ихъ

внѣшней дѣятельности, дабы онѣ не препятствовали одна другой въ достиженіи цѣлей каждаго и всѣхъ. Общіе законы опредѣляющіе всѣ такія отношенія можно назвать *законами справедливости*, потому что главное начало ихъ таково: «не стѣсняй свободы другаго или не нарушай правъ ближняго твоего». —

Что касается до внутренней свободной дѣятельности человѣка, до его желаній, намѣреній и мыслей, то хотя здѣсь внѣшняго ограниченія не существуетъ, но какъ всѣ свободныя существа въ этомъ отношеніи составляютъ одно невидимое царство Божіе, то и здѣсь есть свой порядокъ — божественный, должны быть законы высшаго рода, законы чисто нравственные, опредѣляющіе внутреннюю форму нашихъ дѣйствій, поколину онѣ относятся уже не къ суду внѣшнему, а къ суду внутреннему — совѣсти. Эти законы вообще можно назвать *законами честности*, и общее правило ихъ въ отношеніи къ другимъ можно изобразить такъ: «дѣйствуй всегда по внутреннему убѣжденію въ сообразности дѣйствія твоего съ благомъ другихъ». Законы справедливости имѣютъ характеръ отрицательности и внѣшности, а законы честности — свойство положительное и внутреннее. Сомнѣвались даже, относятся ли первые къ законамъ нравственнымъ. Но какъ главное ихъ начало: не нарушай правъ другаго — есть побужденіе чисто нравственное, то и всѣ они имѣютъ характеръ также нравственный, хотя и допускаютъ побужденіе внѣшнее. Въ этомъ отношеніи они составляютъ нѣчто среднее между законами необходимости физической и законами чисто нравственными, подобно тому какъ жизнь общественная, гражданская, которой они служатъ главнымъ основаніемъ, есть нѣчто среднее между жизнью просто животною и высшею жизнью духовъ.

2) На основаніи различія между законами справедливости и законами честности различаются *должностіи права* и *должностіи добродѣтели*. Какъ опредѣляетъ это различіе слѣ-

дующимъ образомъ: «отношеніе цѣли къ должности можно представить двоякимъ образомъ: или начинаемъ понятіемъ цѣли и потомъ находимъ правило сообразнаго съ долгомъ дѣйствія, или начинаемъ правиломъ воли и потомъ ищемъ цѣли, которая есть вмѣстѣ и долгъ. Цѣль, которая вмѣстѣ и долгъ, есть чисто нравственная. Наука о правѣ поступаетъ первымъ способомъ. Воля каждаго предоставлена, какую она хочетъ избрать цѣль своего дѣйствія, но правило уже а priori опредѣлено, т. е. чтобъ свобода дѣйствующаго съ свободою другаго, по закону всеобщему, могли стоять вмѣстѣ. Напротивъ Иезаи идетъ другимъ путемъ. Она исходитъ не отъ цѣли, какую человѣкъ можетъ себѣ представить, но понятіе долга онъ долженъ прежде всего подвести къ цѣли и правило свое основать по нравственнымъ началамъ. Только послѣднее составляетъ должность добродѣтели» (Metaph. der Sitten, Einl.). Короче: должности справедливости суть тѣ, которыя опредѣляютъ вѣщныя отношенія наши къ другимъ, а должности добродѣтели тѣ, которыя удовлетворяютъ закону нравственному внутреннимъ образомъ. Къ исполненію первыхъ я могу быть понужденъ вѣшно, а къ исполненію послѣднихъ только самъ себя могу понудить.

3) По закону справедливости мы имѣемъ власть требовать чего либо отъ другихъ. Эта власть вообще называется *правомъ*, а отношеніе того, надъ кѣмъ имѣемъ такую власть — *обязанностію*. Но можно требовать отъ другихъ по долгу, такъ что не требовать было бы противно справедливости или честности, и можно требовать и не требовать, не нарушая справедливости, напр. требовать съ должника деньги. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ между правомъ и обязанностію представляется новая противоположность. *Право* есть такая возможность дѣйствовать сообразно съ закономъ, по которой между двумя дѣйствіями противоположными можно производить и то

и другое, а *должность* есть нравственная необходимость полагать всегда одно извѣстное дѣйствіе. Но эта противоположность имѣетъ основаніемъ ограниченность нашего познанія. Мы часто не знаемъ, какое изъ двухъ противоположныхъ дѣйствій сообразнѣе съ цѣлю, которое совершеннѣе, и потому, признавая то и другое непротивнымъ закону нравственному, приписываемъ себѣ право дѣлать то или другое. Въ самомъ же дѣлѣ, какъ невозможны нравственныя дѣйствія безразличныя, то не должно быть и права что нибудь дѣлать и не дѣлать. Но въ жизни общественной, гдѣ нужно прежде всего сохранять безопасность вѣшнюю и опредѣлить кругъ дѣйствій для каждаго, необходимо допускаются въ этомъ кругѣ дѣйствія совершенно различныя, которыя всѣ дозволены, потому что не препятствуютъ благу общему. Законы честности и здѣсь укажутъ человѣку только одинъ образъ дѣйствія, а другой отвергнуть; но законы справедливости не могутъ запретить ни того ни другого, когда они оба не нарушаютъ ни безопасности, ни собственности, ни чести, вообще благосостоянія другаго.

4) Итакъ нравственная философія должна имѣть слѣдующія двѣ главнѣйшія части: науку *Права* или справедливости и науку о добродѣтели или *Пеику*. Какой предметъ каждой изъ нихъ, — видно изъ предъидущаго. Замѣтимъ, что нѣкоторые относятъ къ нравственной философіи еще третью часть, именно *науку о религии*. Но это дѣлаютъ канціанцы 1) потому, что къ должностямъ нравственнымъ не относятъ должностей къ Богу; 2) потому, что хотятъ составить свою религію философскую. По нашему мнѣнію, дѣло философіи — не составлять религію, а между существующими указать намъ религію истинную, и указать на основаніи общихъ началъ своихъ теоретическихъ и практическихъ. Другіе (Ешенмайеръ) отъ ученія о должностяхъ нравственныхъ отличаютъ ученіе о добродѣтели: въ первыхъ находятъ побужденіе ввутреннее, въ

чувствѣ, а добродѣтель возвышаютъ выше всѣхъ побужденій. Но мы того мнѣнія, что когда говорится о добродѣтели чело- вѣческой, то ее не должно лишать всякаго побужденія въ чувствѣ или сердцѣ. Недостаточно для челоуѣка имѣть одно уваженіе къ закону, или къ самому Законодателю верховному, а нужно, чтобы это уваженіе было соединено съ любовью.

НАУКА О ДОБРОДѢТЕЛИ ИЛИ ИИИКА

Содержаніе, или главныя части науки.

Наука о добродѣтели означаетъ тѣ нравственныя правила, которыми опредѣляется внутреннее достоинство нашихъ дѣй- ствій (честность). Потому долгъ ея показать: I) въ чемъ со- стоитъ нравственное совершенство нашихъ дѣйствій, или до- бродѣтель, и какъ это совершенство достигается; II) какими дѣйствіями оно долженствуетъ обнаруживаться въ нашей жи- зни, въ различныхъ состояніяхъ и отношеніяхъ челоуѣка. От- сюда двѣ части науки, изъ коихъ первую можно назвать об- щей, или основною, а вторую — особенною, или прикладною.

Часть основная.

Здѣсь главный вопросъ: въ чемъ состоитъ добродѣтель и какииъ образомъ она достигается? Для разрѣшенія его 1) раз- смотримъ то, что служитъ основаніемъ добродѣтели, — главное начало нравственности и законныя побужденія, 2) обратимъ вниманіе на свойства, степени и виды добродѣтели; а также на свойства, степени и виды порока, и 3) укажемъ на глав- нѣйшія препятствія и нѣкоторыя вспомогаельныя средства для добродѣтели.

1. О главномъ началѣ нравственности.

а) Что должно разумѣть подь именемъ начала нравственности? б) какія могутъ быть начала нравственности и какія болѣе извѣстны? в) какое начало нравственности приличнѣе для философа христіанскаго? г) какія изъ того проистекають законныя побужденія нравственныя?

2) *Початокъ и начало нравственности.*

Начало нравственности можно принимать въ двоякомъ смыслѣ. Впервыхъ, это есть самый источникъ или основаніе нравственности, то, безъ чего не было бы законовъ нравственныхъ и различія между добромъ и зломъ нравственнымъ. Вторыхъ, это значить начало правоученія, или то главное и общее правило, подь которое могутъ быть подведены или изъ котораго могутъ быть выведены всѣ правила нравственности. Въ опредѣленіи перваго начала всѣ лучшіе правоучители согласны: этотъ главный и первый источникъ нравственности *предлежа- тельный* есть самъ Богъ, — источникъ всякаго блага, а источникъ *подлежа- тельный*, въ человѣкѣ, есть природа его разумно-свободная, безъ которой для насъ не могло бы быть никакой нравственности. Но въ опредѣленіи втораго начала философы несогласны, такъ что почти каждый предлагаетъ свою формулу и поставляетъ ее въ основаніе своего правоученія. Справедливо, что каждый правоучитель имѣетъ на это право, только бы духъ его главнаго правила не былъ противенъ истинной нравственности. Но въ этомъ и вся важность вопроса о началѣ нравственности: какъ опредѣлить истинную нравственность? какъ долженъ вообще поступать человѣкъ, чтобы

быть нравственно добрым? Если скажемъ: такъ, чтобъ дѣйствія его всегда были сообразны съ законами нравственными; то опять вопросъ: чего вообще требуетъ законъ нравственный? какой духъ его? Все это приводитъ насъ къ тому же вопросу: какое есть истинное начало нравственности?

б) *Начала нравственности возможныя. Начало Кантово.*

Всѣ возможныя начала нравственности Кантъ раздѣляетъ на два рода—*матеріальныя* и *формальныя*. Матеріальными называетъ тѣ, въ которыхъ опредѣляется матерія, или предметъ желанія нашего и дѣлается какъ бы отвѣтъ на слѣдующій вопросъ: если я желаю такого-то предмета, то что мнѣ должно дѣлать, чтобы получить или достичь его? Началомъ же формальнымъ почитаетъ то, въ которомъ выражается одна *форма*, или одинъ образъ дѣйствованія, какой вообще сообразенъ съ закономъ нравственнымъ. Въ этомъ началѣ узнаемъ мы вообще, какимъ образомъ должно поступать намъ, чтобы удовлетворить закону, какъ закону. Началь матеріальныхъ исчисляетъ шесть, а именно четыре *субъективныхъ*, между которыми два *внѣшнія*—воспитаніе и гражданское постановленіе, и два *внутреннія*—чувство физическое и чувство нравственное; потомъ—два *объективныхъ*: *внутреннее*, т. е. совершенство наше, и *внѣшнее*—волю Божию. Всѣмъ началамъ матеріальнымъ онъ противопоставляетъ одно *формальное*, имъ самимъ придуманное, которое выражаетъ такъ: поступиай такимъ образомъ, чтобы правило воли твоей могло быть закономъ всеобщимъ (могло быть всѣми одобрено).—Но во первыхъ, Кантъ смѣшиваетъ здѣсь начала нравственности съ началами правоученія (два напр. первыя начала очевидно относятся къ первому роду, и въ этомъ смыслѣ справедливо отвергаются). Во вторыхъ, Кантъ опускаетъ

еще одинъ родъ нравственныхъ началъ, именно начало *материально-формальное*, которое также возможно.

Начала чисто матеріальныя не могутъ составить чистаго правоученія. Требуя стремленія къ извѣстному предмету, они не опредѣляютъ того, какъ это стремленіе должно быть направлено. Напр. начало счастья говоритъ: стремись къ счастью. Но какими путемъ? Неужели всякій образъ дѣйствія, лишь бы доставлялъ счастье, есть потому правильный, нравственно-добрый? Самое начало—поступай по совѣсти, не опредѣляя образа дѣйствованія, можетъ допускать дѣйствія противныя нравственности. Такъ и ожесточенный злодѣй, усыпивъ свою совѣсть, можетъ сказать: я поступаю по совѣсти.

Начало чисто формальное мало полезно для правоученія; потому что оно пусто, безъ всякаго содержанія. Если на немъ основать все правоученіе, то произойдетъ одна теорія о томъ, какъ прилично желать существо разумному, а чего должно желать и не желать, это будетъ неизвѣстно. Въ правоученіи оно тоже, что начало противорѣчія въ теоріи познанія. Притомъ, оно не прилично нашей природѣ. Человѣкъ имѣетъ различнаго рода склонности, и законъ человѣка долженъ показать направление самому сердцу его, указать на самые предметы, достойные его стремленія. Слѣдовательно законъ чисто формальный былъ бы тогда достаточенъ, когда мы не имѣли бы никакихъ склонностей, когда для насъ было бы все равно, какими предметами ни заниматься. И какъ знать, что правило воли моей можетъ быть закономъ всеобщимъ? Если, говоритъ Кантъ, поставить мое правило закономъ всеобщимъ, то будетъ видно, добро или зло произведетъ оно, и потому желательно или нежелательно для всѣхъ. Напрям. когда поставимъ закономъ правило: не дѣлать никому и не просить ни у кого помощи; то большая часть рода человеческого отвергнетъ такой законъ, какъ зложелательный для человѣчества. Но очевидно, что та-

кими образом мы советуемся не съ одною формою, а съ самыми предметами — съ потребностями человека. Наконецъ можно возразить Канту: почему не могутъ быть правила особенныя, годныя только для некоторыхъ лицъ, а не для всѣхъ? Почему наприм. правила: вести жизнь безбрачную, жизнь самовольной вичеты, совершенной нестяжательности, не назвать нравственными добрыми, хотя они и не могутъ быть законами для всѣхъ? *)

в) *Начало нравственности материально-формальное.*

Если же ни чисто материальное, ни одно формальное начало недостаточно для правоученія, то нужно найти такое, которое имѣло бы и тотъ и другой характеръ вмѣстѣ, которое показывало бы и то, къ чему должно стремиться, и то, какъ должно стремиться, т. е. опредѣляло бы и матерію и форму нашего дѣйствования. Такимъ началомъ можно почитать слѣдующее правило: стремись къ совершенству, свойственному природѣ человѣческой, сообразуясь съ понятіемъ сего совершенства. Но это правило потому недостаточно, что понятіе о совершенствѣ слишкомъ неопредѣленно. Разумѣть ли совершенство физическое или нравственное? Если первое, то непонятно, какъ оно можетъ быть предметомъ нашей свободной воли; если второе, то стремиться къ нему значить тоже, что стремиться къ добродѣтели, и кто не имѣетъ понятія о послѣдней, тотъ не знаетъ и перваго. Разумѣть ли совершенство всецѣлое, абсолютное, или совершенство относительное? Первое для насъ недостижимо и непостижимо, а второе неопредѣленно. Другое материально-формальное начало есть слѣдующее: исполняй во всемъ волю Божию (т. е. почитай ее высочайшею цѣлю, первымъ благомъ твоимъ и соображай съ нею твои дѣйствія). Это

*) Кантово начало сходно съ Зеноновымъ (по свидѣтельству о послѣднемъ Стобей): τὸ τέλος τοῦ ἀρετοῦ ἐστὶν ἡ ἀρετή. τὸ δ' ἐστὶ καθ' ἕνα λόγον, καὶ ὁμοίον πᾶσι ἀρεταῖς. (См. *Столбей*.)

правило, въ существѣ своемъ, наилучшее, но, къ сожалѣнію, также неопредѣленно. Оно равносильно слѣдующему: живи сообразно съ закономъ нравственнымъ (который и есть для разума выраженіе воли Божіей). Вообще должно сознаться, что разумъ не представляетъ ни одного начала правоученія по всему удовлетворительнаго. Почему? Безъ сомнѣнія потому, что онъ въ настоящемъ состояніи человѣка не есть во всемъ вѣрный руководитель нашъ; потому, что мы не имѣемъ уже чистой добродѣтели, а не имѣя ея, не можемъ составить о ней полного и совершенно яснаго понятія.

Но для христіанскаго философа есть другой вѣрнѣйшій руководитель—откровеніе, къ которому и должна обращаться наша философія, не съ тѣмъ впрочемъ, чтобъ вносить въ него свои умствованія, а съ тѣмъ, чтобъ изъ него выносить для себя свѣтовосныя истины.

Въ ученіи евангельскомъ находимъ два важныя правила, которыя имѣютъ характеръ главнаго начала нравственности: 1) начало совершенства богоподобнаго, — *будите совершенны, якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть*, 2) начало любви къ Богу и ближнему. Последнее начало болѣе опредѣляется тѣмъ, что отъ насъ требуется любви, соответствующей любви къ намъ Божіей въ Иисусѣ Христѣ. Первое начало также ясно для христіанина потому, что образъ богоподобнаго совершенства представленъ намъ въ лицѣ Богочеловѣка, въ Его свойствахъ и жизни. Такимъ образомъ то и другое начало составляетъ одно, которое можетъ быть выражено такъ: *живи и дѣйствуй съ такою чистою любовію, съ какою жилъ и дѣйствовалъ на землѣ Богочеловѣкъ*. Послѣ сего философія остается свое правоученіе приблизить къ этому правилу евангельскому. При семъ мы прежде всего должны отвергнуть то ученіе рационалистовъ, что правоученіе можетъ обойтись безъ идеи о Богѣ и что добродѣтель не предполагаетъ

этой идеи какъ своего основанія. Такое понятіе о добродѣтели, лишеной благоговѣнія и любви къ верховному Законодателью существъ нравственныхъ, ведетъ въ нравственному эгоизму или стоицизму. Принимая же идею о Богѣ главнымъ основаніемъ правоученія, мы прилично можемъ выразить начало правоученія такъ: *поступай такимъ образомъ, чтобы правило воли твоей было достойно Бога*, т. е. чтобы ты, на основаніи правильнаго понятія о Богѣ, могъ разумно признать правило свое закономъ достойнымъ премудрости и благодати Божіей. Не можемъ сказать, чтобы это начало было для всѣхъ ясно; но совершенно увѣрены, что оно истинно, и тѣмъ непогрѣшительнѣе въ приложеніи, чѣмъ болѣе раскрыта въ насъ идея о Богѣ.

Въ доказательство того, что начало наше въ приложеніи не труднѣе Кантова, представляемъ тѣже случаи, какіе разсматриваетъ Кантъ въ своей *Metaphysica morum*.

1. Угнѣтаемый неотразимыми бѣдствіями предлагаетъ себѣ правило: жизнь, которая чѣмъ болѣе продолжается, тѣмъ дѣлается тягостнѣе, должно прекратить. 2. Имѣющій нужду въ деньгахъ, чтобы скорѣе получить ихъ, хочетъ поступить по слѣдующему правилу: я долженъ занять у другихъ, и обѣщать, что долгъ мой выплачу, хотя совершенно знаю, что этого никогда не сдѣлаю. 3. Получившій богатое наслѣдство составляетъ себѣ правило: дабы свободнѣе наслаждаться удовольствіями чувственными, я не буду заботиться о образованіи моихъ способностей душевныхъ. 4. Другой богачъ хочетъ держаться слѣдующаго правила: имѣя богатство, не должно ни у другихъ просить помощи, но самому помогать другимъ. Кантъ показываетъ худую нравственность всѣхъ этихъ правилъ изъ того, что всѣ они не имѣютъ достоинства закона всеобщаго. Но очень не трудно показать, что всѣ они не сообразны съ премудростію и благодію верховнаго Законодателя—Бога.

Очевидно, наприм., что самоубійца поступает противно воле того, кто вложилъ въ человека не отвращеніе а любовь къ жизни, и кто есть Владыка и правитель судебъ нашихъ. Премудрость и благодать Его могутъ и самое зло наше обращать въ добро, а потому требуютъ отъ насъ совершенной покорности высочайшему промыслу—во всѣхъ случаяхъ жизни ¹⁾.

г) *О побужденіяхъ.*

Побужденіемъ называется та опредѣляющая волю нашу къ дѣйствию причина, которая облегчаетъ намъ извѣстное дѣйствіе, а противное ему затрудняетъ. Оно находится или въ самомъ законѣ, если онъ имѣетъ силу дѣйствовать не только на разумъ, но и на волю и на сердце, или внѣ закона. По ученію рационалистовъ одно уваженіе къ закону разума или къ разумной природѣ нашей есть достаточное побужденіе къ добродѣтели. Но не трудно замѣтить, что такое уваженіе не сильно возбуждаетъ къ добру сердце, которое исполнено другими побужденіями и которое въ одномъ холодномъ уваженіи къ закону не находитъ для себя пищи. Напротивъ очень понятно, что побужденіе, приходящее изъ предложеннаго нами начала, можетъ удовлетворить и самому сердцу: исполняясь благоговѣніемъ и любовью къ Законодателю міра нравственнаго, всякій охотно и ревностно будетъ исполнять законъ.

Побужденія внѣ закона раздѣляются на высшія и низшія.

¹⁾ Кантъ (въ Критикѣ практическаго ума) доказываетъ два положенія: 1) если одною формою законодательной опредѣляется воля, то она свободна; 2) если воля свободна, то она должна быть опредѣляема одною формою законодательной. (Еслибъ, говорить, она опредѣлялась матеріею или предметами опыта, то не была бы свободна). Но гораздо лучше докажутся слѣд. положенія: 1) если воля опредѣляется однимъ тѣмъ закономъ, который имѣетъ характеръ божественности, то она истинно свободна; 2) если воля свободна, то ничему не должна подлежать, какъ закону божественному.

Къ послѣднимъ относятся побужденія чувственныя, происходящія отъ склонностей нашей природы низшей; первыя состоятъ въ представленіи нѣкотораго выспага блага, напрям. спокойствія совѣсти, блаженства по смерти. Слѣдующія правила опредѣляютъ отношеніе различныхъ побужденій къ нравственности:

а) Если опредѣляютъ волю одни побужденія чувственныя, то хотя бы дѣйствіе было сообразно съ закономъ, оно не имѣетъ цѣны нравственной.

б) Но если господствующее побужденіе будетъ всегда въ самомъ законѣ божественномъ, то присоединеніе къ нему чувственныхъ побужденій не отниметъ у дѣйствія цѣны нравственной.

в) Чѣмъ однакожъ свободнѣе дѣйствіе отъ вліянія склонностей чувственныхъ, чѣмъ болѣе пожертвованій для блага закона, тѣмъ выше доброта дѣйствій нравственныхъ.

г) Самая высшая доброта будетъ тогда, когда воля наша совершенно покорится волѣ Божіей и готова будетъ жертвовать всѣми благами своими, чувственными и духовными—для исполненія воли Божіей.

2. О свойствѣ, степеняхъ и видахъ добродѣтели и порока.

а) О добродѣтели и порокѣ вообще.

О добродѣтели и порокѣ вообще можно предложить слѣдующіе вопросы: 1) Въ чемъ собственно состоятъ добродѣтель и порокъ? 2) Имѣютъ ли они степени? 3) Какое имѣютъ отношеніе къ добру и злу физическому?

1) Понятіе о добродѣтели и порокѣ.

То, что называемъ мы добродѣтелю, на другихъ

языкахъ выражается словомъ означающимъ силу и мужество (virtus отъ vir, ἀρετή отъ ἄρεσι быть способнымъ): это подразумеваетъ, что древніе поставляли добродѣтель въ нравственной силѣ, преобладающей препятствія внутреннія и внѣшнія. По этому понятію опредѣляютъ добродѣтель такъ: она есть нравственная сила воли, дѣйствующая сообразно съ закономъ нравственнымъ, или постоянное стремленіе ея исполнить нравственный долгъ. Такая сила, долженствующая бороться съ препятствіями внутренними, прилична только такой природѣ, какова человѣческая, т. е. исполненной склонностями противными чистотѣ нравственной, а не природѣ совершенно чистой, нравственно святой, которая свободна отъ всѣхъ наклонностей низшихъ. Свойство, противное добродѣтели, называется порокомъ, что собственно значитъ недостатокъ и слабость. Соглашая же понятіе о добродѣтели съ главнымъ началомъ нравственности, мы можемъ опредѣлить добродѣтель такимъ образомъ: она есть господствующее и постоянное расположеніе и стремленіе духа дѣйствовать всегда сообразно съ закономъ божественнымъ. Говоримъ: она есть господствующее и постоянное расположеніе духа. Ибо нельзя назвать добродѣтели ни одного слѣпаго подражанія другимъ, ни того, что происходитъ отъ одного инстинкта; для нея нужно свободное направленіе всѣхъ силъ духа къ одной благой цѣли, направленіе постоянное, неизмѣняемое никакими противными побужденіями. Добродѣтель состоитъ, присовокупляемъ, въ дѣятельности сообразной съ закономъ божественнымъ вообще, какимъ бы путемъ ни познали мы этотъ законъ, — путемъ ли одного разума, или путемъ откровенія. Напрасно хотять ограничить добродѣтель однимъ закономъ естественнымъ: добродѣтель безъ истинной религіи не есть добродѣтель, а только удовлетвореніе нравственному чувству, которое никогда не можетъ быть чисто и вѣрно, если оно чуждо чувству благочестія. Все что

несообразно съ закономъ божественнымъ, есть неминуемо пороки, зло, грѣхъ.

Изъ сего заключаемъ, что между добродѣтелию и порокомъ не можетъ быть ничего общаго, и потому нельзя полагать въ области нравственной дѣйствій *безразличныхъ*—ни добрыхъ, ни худыхъ. Всякое свободное дѣйствіе чловѣка есть слѣдствіе главнаго его характера, главнаго направленія его духа, которое непремѣнно есть или доброе или худое. Если же самый характеръ чловѣка представляется безразличнымъ, то онъ навѣрно есть худой нравственно, потому что самый индифферентизмъ въ нравственности есть нравственное зло. Впрочемъ нельзя отвергать того, что есть дѣйствія въ обществѣ, которыхъ нравственной цѣны опредѣлять невозможно, но возможно только по слабости нашей, потому что мы не знаемъ отношенія ихъ къ главному направленію воли чловѣка.

2. *Возможность степеней добродѣтели и порока.*

Такъ какъ добродѣтель состоитъ въ извѣстномъ правильномъ настроеніи духа, то въ существѣ своемъ она должна быть одна, и при одинаковыхъ обстоятельствахъ во всѣхъ должна дѣйствовать одинаково, быть всегда согласна съ собою. Можно ли въ томъ же смыслѣ усвоить единство и пороку? Порокъ состоитъ въ неправильномъ расположеніи воли, а это расположеніе бываетъ подъ вліяніемъ совершенно различныхъ склонностей и побужденій, и потому при одинаковыхъ обстоятельствахъ не можетъ быть согласно само съ собою. Итакъ пороку можно приписать только то единство, что онъ происходитъ отъ одного главнаго корня, самолюбія или эгоизма, отъ котораго разрастается уже необходимо на разныя вѣтви. Впрочемъ не только пороки, но и добродѣтели въ проявленіи своемъ, въ дѣйствіяхъ внутреннихъ и внѣшнихъ, имѣютъ различныя виды, могутъ возрастать или

уменьшаться, могут имѣть различныя степени. Опытъ свидѣтельствуешь, что есть добродѣтели и пороки, которые достигаютъ высшей степени только въ возрастѣ зрѣломъ; есть такіе, которые свойственны другимъ возрастамъ. Такъ въ младенцахъ первымъ росткомъ добродѣтели можно почитать послушаніе и благодарность, а росткомъ зла непослушаніе, упрямство; въ отрокахъ является уже почтительность и довѣренность къ старшимъ, или своеволие и ложь; въ юношѣ отырываются добрые и дурныя навѣки; самой же высокой степени добро и зло достигаютъ въ мужахъ. Итакъ нельзя принять ни мнѣнія стоиковъ, которые въ добродѣтели и пороки не допускали степеней и возрастанія, ни мнѣнія Аристотеля, который, называя добродѣтель серединою между двумя крайностями—излишествомъ и недостаткомъ, поставлялъ различіе въ однихъ порокахъ.

Для нравственной оцѣнки дѣйствій поставляется вообще слѣдующее главное правило: чѣмъ больше или меньше употребляетъ человѣкъ свободы и разумнаго сознанія въ своемъ дѣйствіи, тѣмъ большую или меньшую оно имѣетъ какъ доброту, такъ и злость. Отсюда слѣдуетъ, что а) дѣйствіе худое обдуманное, злонамѣренное (*dolus*) болѣе вѣнчается человѣку, нежели не намѣренное (*culpa*), и первое бываетъ тѣмъ злѣе, чѣмъ познаніе закона въ дѣйствующемъ яснѣе, а намѣреніе противное закону тверже, непоколебимѣе; дѣйствіе же ненамѣренное худое бываетъ тѣмъ хуже, чѣмъ удобнѣе могъ избѣжать дѣйствующій своей вины, если бы употребилъ надлежащую осмотрительность и предосторожность. б) Дѣйствіе вольное и охотное вѣнчается болѣе, нежели того же рода дѣйствіе невольное и неохотное; дѣйствіе причины главной—болѣе нежели дѣйствіе причины вторичной или служебной,—при одинаковыхъ обстоятельствахъ (напр. убійство, когда приказано господиномъ слугѣ, при здоровомъ умѣ перваго). в) Дѣйствія труд-

ния болѣе вмѣняются нежели легкія, но также при одинаковыхъ условіяхъ. Для слуги домашнее воровство хотя легче, нежели для посторонняго, но болѣе ему вмѣняется, потому что онъ имѣеть большую обязанность хранить имѣніе своего господина.

3. *Отношеніе добродѣтели къ счастью.*

Добро физическое, какъ относительное, собственно недостойно того, чтобъ почитать его наградою добра нравственнаго, и потому связь перваго съ послѣднимъ не есть необходима. Впрочемъ какъ цѣль природы физической находится въ мірѣ нравственномъ, то и согласіе добра физическаго съ нравственнымъ есть, безъ сомнѣнія, цѣль достойная высочайшей премудрости. Только это согласіе не зависитъ отъ воли нашей, а зависитъ отъ воли одного верховнаго Правителя міра, котораго, по закону высочайшей премудрости, благоволили удержать на время совершенное согласіе одного добра съ другимъ. Посему долгъ нашъ соображаться съ Его порядкомъ, поставлять здѣсь цѣлю одно благо нравственное, и не требовать соединенія его съ благомъ физическимъ, какъ необходимаго.

Но довольно ли одной добродѣтели для совершеннаго счастья человека? На этотъ вопросъ отвѣчаемъ слѣдующее: когда говорится о счастьи совершенномъ, полномъ, то должно разумѣть и добродѣтель совершеннѣйшую. Но совершеннѣйшая добродѣтель есть совершенное уподобленіе Богу, совершенное единеніе воли нашей съ волею всесвятою. А при такомъ единеніи не можетъ быть ничего, чего бы могъ человекъ пожелать болѣе; такое единеніе есть вмѣстѣ блаженное соединеніе съ Богомъ. Итакъ добродѣтель въ высочайшемъ значеніи своемъ есть вмѣстѣ и высочайшее наше благо, выше котораго нельзя ничего представить и воладѣніе котораго ничего быть не можетъ.

б) О степенях и видах добродетели и порока.

Дѣятельность человѣка или тяготѣть къ еѳо Я, постав-
ляя крайнимъ благомъ одно свое, индивидуальное благо, или
распространяется внѣ Я, ищетъ блага другихъ, или наконецъ
устремляется къ единому истинному средоточію всѣхъ существъ
нравственныхъ—къ Богу. Въ первомъ случаѣ происходитъ
нравственное зло, въ двухъ послѣднихъ—нравственное добро.
Изъ сего видно, что степени добра нравственнаго суть сте-
пени любви къ благу общему, а степени зла нравственнаго
суть степени эгоизма.

Степени добродетели

Низшая степень нравственной любви есть та, на которой
требуются побужденія не только разумныя, духовныя, но и
чувственныя. Высшая степень та, когда любить добро и безъ
побужденій чувственныхъ; еще выше, когда любить добро для
одного добра, а самая высшая—есть чистѣйшая любовь къ
Богу, совершенное успокоеніе въ Его волѣ. Добродѣтель пер-
вой степени есть вообще *умѣренность, воздержаніе*, огра-
неченіе страстей, — добродѣтель болѣе отрицательная, нежели
положительная. Добродѣтель второй степени есть *человѣко-
любіе*, которое любить участіе другихъ, не побуждаясь къ
тому пользою своею или удовольствіями чувственными, а по
одному влеченію добраго сердца. Третья степень принадлежитъ
благодати или *добротѣ* по превосходству, которая ставитъ
выше всего истину, справедливость и добро нравственное, и
готова на всякія пожертвованія для нихъ, внѣшнія и внутрен-
нія. Высочайшая наконецъ добродѣтель есть совершенное
благочестіе, высочайшая любовь къ Богу, соединенная съ пол-
нымъ самоотверженіемъ. Ею начинается блаженное соединеніе
съ верховнымъ Благомъ, состояніе духомъ чистѣйшихъ.

Степени порока.

Низшая степень зла нравственнаго есть низшая степень эгоизма. Это есть эгоизмъ чувственности, въ которомъ склонности и пожеланія чувственныя берутъ верхъ надъ всѣмъ и все стремятся обращать въ свою пользу. Вторую степенью зла будетъ эгоизмъ разсудка, который измышляетъ обманы, ложь, оказываетъ себя гордостію, презрѣніемъ другихъ и т. п. Это вообще можно назвать *ненавистію*. На первой степени человѣкъ во зло употребляетъ болѣе вещи, нежели лица, а здѣсь онъ уже золь противъ самыхъ лицъ; тамъ развращена способность пожелательная, а здѣсь развращено самое сердце. Третья степень зла есть желаніе зла для самаго зла, — въ тѣснѣйшемъ смыслѣ *злостъ*. Здѣсь человѣкъ дѣйствуетъ уже не только противъ людей, но и противъ самаго порядка нравственнаго, ненавидитъ самый законъ нравственный, попираетъ все справедливое и честное, старается истребить все благое. Самая наконецъ высшая степень зла есть крайнее *нечестіе*, которое хочеть отнять и послѣднюю опору добра у человѣка — истребить религію и вѣру. Этотъ эгоизмъ вооружается противъ самого Бога и есть собственно *дьявольскій*.

Слѣдуетъ впрочемъ всегда помнить, что какъ въ добродѣтели возможно для человѣка низпаденіе съ высшей степени на низшую, такъ и въ пороки возможно возвращеніе изъ худшаго состоянія въ лучшее.

О видахъ добродѣтели и порока.

Какъ добродѣтель, такъ и порокъ являются въ много-различныхъ видахъ на опытѣ. Исчислять всѣ такіе виды есть трудъ напрасный, потому что ихъ безчисленное множество, и языкъ не имѣетъ довольно выраженій для означенія всѣхъ ихъ видоизмѣненій и оттѣнковъ. Притомъ, такое исчисленіе и не нужно. Ибо кто имѣетъ добродѣтель вообще, тотъ имѣетъ ея существо, которое въ извѣстныхъ обстоятельствахъ само собою

покажетъ тѣ виды, въ какихъ прилично ему являться. Напротивъ, если въ комъ недостаетъ самаго существа добродѣтели, тому нисколько не поможетъ исчисленіе и познаніе ея видовъ.

Добродѣтели основныя (virtutes cardinales) по ученію древнихъ.

Не бесполезно однакожъ для науки исчисленіе главныхъ родовъ добродѣтелей. Древніе правоучители почти всѣ согласно полагали 4 вида добродѣтели, т. е. *мудрость* (σοφία), *цѣломудріе* или *воздержаніе* (σωφροσύνη), *мужество* (ἀνδρεία) и *справедливость* (δικαιοσύνη). Сходно съ тѣмъ и въ книгѣ Премудрости говорится, что Премудрость *учитъ цѣломудрію и разуму, правдѣ и мужеству, ижеже потребныя ничтоже есть въ житіи человѣческомъ* (Прем. 8, 7). Если подь именемъ главныхъ добродѣтелей разумѣть главныя условія добродѣтели, то нельзя отвергать этого раздѣленія древнихъ. Дѣйствительно, для добродѣтели самое первое потребное условіе то, чтобы имѣть ясное познаніе закона, отношеній нашихъ къ Богу и ближнимъ, и приличныхъ средствъ для достиженія нравственныхъ цѣлей: все это есть свойство *мудрости*. Нужно сверхъ того, чтобы мы знали собственные силы и ограничивались тѣмъ кругомъ, въ которомъ должно намъ дѣйствовать: это производитъ *умпренность, скромность, воздержаніе*. Въ самомъ произведеніи добрыхъ дѣйствій необходимо постоянство и трудъ; нужно также, чтобы мы не стѣсняли свободы другихъ и не нарушали правъ ихъ: это составляетъ *мужество и справедливость*.

Главные роды добродѣтели.

Что касается до главныхъ родовъ добродѣтели, то не безъ основанія можно принять раздѣленіе тѣхъ, которые составляютъ два главные рода добродѣтели: добродѣтели ува-

женія или справедливости и добродѣтели любви или бла-
гости. Первыя—болѣе отрицательныя, но должны быть основа-
ніемъ послѣднихъ; вторыя—болѣе положительныя и не должны
быть никогда противны первымъ. Въ случаѣ, если бы нельзя
было исполнить вмѣстѣ и долга справедливости и долга бла-
гости, всегда должно предпочитать первый долгъ послѣднему.
Не должно напр. дѣлать одному вспоможеніе, отнимая для того
законную собственность у другаго.

Тѣ и другія добродѣтели могутъ быть раздѣлены по
должностямъ нашимъ—къ себѣ самимъ, къ ближнимъ и къ Богу.
Есть добродѣтели справедливости къ себѣ самому: таковы
скромность, воздержаніе, самосохраненіе. Есть добродѣтели
благости къ сему самому: онѣ состоятъ вообще въ дѣятельномъ
стремленіи къ совершенству. Добродѣтели справедливости и
благости въ отношеніи къ другимъ всѣмъ извѣстны (правосу-
діе, благотворительность). Наконецъ и въ отношеніи нашемъ
къ Богу можно различать отъ добродѣтелей любви добродѣ-
тели справедливости: это страхъ Божій и благоговѣніе.

3. О вспомогательныхъ средствахъ для добродѣ- тели.

Правственная философія, указывая намъ главную цѣль,
къ которой должно стремиться, должна показать какъ пріят-
ствія къ ея достиженію, такъ и средства къ ихъ побужденію
и къ дальнѣйшему успѣху въ добродѣтели.

Препятствія къ добродѣтели.

Препятствія къ добродѣтели двоякаго рода: одни бли-
жайшія, дѣйствующія непосредственно на нашу волю, другія
отдаленныя, которыя подають поводъ или придають болѣе
силы препятствіямъ ближайшимъ. Ближайшія препятствія со-

стоять: а) въ недостаточномъ и невѣрномъ познаніи закона нравственнаго и неправильномъ приложеніи его къ случаямъ особннымъ; б) въ слабости чувства нравственнаго; в) преимущественно же въ преобладающей силѣ чувственности и естественныхъ наклонностяхъ, непріязненныхъ для чистой нравственности. Къ отдаленнымъ препятствіямъ относятся различныя обстоятельства и предметы, болѣе или менѣе способствующіе къ раскрытію худыхъ наклонностей и облегчающіе путь порока: таковы неопытная юность, различныя темпераменты, худое воспитаніе и наученіе, примѣры и обращеніе съ другими, уже зараженными грѣхомъ, также богатство и бѣдность, высокое состояніе и низкое и тому под.

О преодолѣніи препятствій вообще.

Еслибы препятствія къ добродѣтели были только внѣшнія, каковы наприм. опасности и бѣдствія внѣшнія, то достиженіе совершенства нравственнаго хотя было бы трудно, но не невозможно, потому что добродѣтель зависитъ собственно отъ внутренняго расположенія духа нашего, а не отъ внѣшнихъ причинъ случайныхъ. Но важнѣйшія препятствія находятся въ насъ самихъ, въ поврежденіи тѣхъ самыхъ силъ и способностей, которыя требуются для добродѣтели, въ естественной наклонности нашей къ злу нравственному. Здѣсь необходимымъ представляется совершенное измѣненіе внутреннихъ свойствъ нашихъ, упраздненіе грѣха, введеніе въ природу нашу новаго духа жизни, новое какъ бы рожденіе. Очевидно, что этого нельзя произвести въ себѣ собственными силами нашими, то есть тѣми самыми силами, которыя всѣ требуютъ исправленія. Итакъ должно или совсѣмъ отказаться намъ отъ совершенной добродѣтели, какъ некогда недостижимой, или искать средствъ для нея выше природы нашей—въ силѣ Божіей. Но долгъ нравственный есть вѣчное требованіе, святость закона божествен-

наго непреложна и требуетъ отъ насъ святости: потому отказаться отъ стремленія къ совершенной добродѣтели значить быть недостойнымъ правъ и достоинства гражданъ міра нравственнаго. Остается искать средствъ къ добродѣтели высшихъ, божественныхъ, слѣдовательно—прибѣгнуть къ помощи религіи. Что же послѣ сего остается философін, когда самыя дѣйствительнѣйшія средства къ добродѣтели открываются не въ ней, а въ религіи? При всей надеждѣ на помощь вышнюю и увѣренности, что всеблагій Правитель міра нравственнаго ближайшимъ образомъ споспѣшествуетъ возрастанію добродѣтели, мы и сами не должны оставаться въ бездѣйствіи. Напротивъ, тогда только и можемъ надѣяться на помощь вышнюю, когда сами будемъ употреблять силы наши къ преодолѣнію препятствій на пути къ совершенству нравственному. Сему-то преодолѣнію препятствій, сколько то возможно со стороны нашей, должна научить насъ философія нравственная.

Средства для побѣжденія препятствій ближайшихъ.

Для побѣжденія препятствій главныхъ представляются слѣдующія средства:

а) Не должно опускать ни одного случая для приобрѣтенія и очищенія познаній, объясняющихъ намъ законы нравственные, и особенно религію. Сверхъ того, должно чаще упражнять себя въ нравственномъ изслѣдованіи и сужденіи нашихъ дѣйствій, всего же болѣе обращать вниманіе на самыя побужденія и правила нашей воли, соображая ихъ съ главнымъ началомъ нравственнымъ.

б) Надлежитъ быть внимательнымъ къ гласу совѣсти и стараться болѣе и болѣе усиливать и очищать въ себѣ чувство нравственное. Потому никогда не должно подавлять въ себѣ чувства стыда и отвращенія отъ пороковъ, ни отвергать напоминаній другихъ о должности и упрековъ въ неисполненіи

ея. При началі всякаго дѣла, должно строго разсматривать его по началамъ нравственнымъ, а въ случаяхъ сомнительныхъ, если нѣтъ крайней необходимости, совсѣмъ не начинать дѣйствія, дабы не подвергнуть себя опасности согрѣшить. (Quod dubitas, ne feceris).

в) Для усмиренія чувственности нужно употреблять извѣстные средства воздержанія, какія кому приличяѣе по его темпераменту и его состоянію. Философія не можетъ отвергать и жизни уединенной, удаленной отъ обыкновенныхъ связей общестія, къ которой нѣкоторые имѣютъ естественное расположеніе, если только такое удаленіе не противно законамъ общества гражданскаго и не будетъ слѣпымъ подражаніемъ или угожденіемъ волѣ другихъ. Для укрощенія же страстей аскетика предлагаетъ слѣдующее наставленіе: должно иначе поступать съ страстями плотскими, нежели съ душевными. Для укрощенія первыхъ, надлежитъ избѣгать всякаго случая къ ихъ возбужденію и удалять отъ себя самое воображеніе предметовъ, ихъ возбуждающихъ. Для укрощенія же страстей душевныхъ (наприм. гнѣва, зависти), полезно нарочито возобновлять въ себѣ воображеніе предметовъ, наиболѣе способныхъ къ ихъ возбужденію, и при этомъ искать въ себѣ же другихъ представлений, наиболѣе противодѣйствующихъ первымъ, и такимъ образомъ приучать себя къ совершенному обладанію самимъ собою, при всѣхъ возможныхъ порывахъ страстей.

Каково должно быть нравственное исправленіе вообще?

Нравственное исправленіе должно быть не въ половину только или отчасти, но всецѣлое измѣненіе внутреннее и вѣншнее, то есть исправленіе сердца и исправленіе жизни. Первое (*μετανοία*) есть измѣненіе побужденій не нравственныхъ на чисто нравственныя, свободное воспріятіе закона божественнаго въ вашу волю; второе состоитъ въ сообразномъ съ

закономъ измѣненіи нашихъ дѣлъ и всего поведенія. Для совершенства нравственнаго необходимо то и другое. Напрасно будемъ предполагать тамъ исправленіе сердца, гдѣ нѣтъ исправленія жизни. Но и одно исправленіе жизни еще не есть доказательство исправленія сердца, потому что внѣшняя дѣятельность можетъ быть исправляема и по другимъ побужденіямъ и правиламъ, не прямо проистекающимъ изъ закона нравственнаго. Сверхъ того, нравственное исправленіе наше должно быть непрестанное и неослабое. Никогда не должно почитать себя совершеннымъ: долгъ нашъ — стремиться къ совершенству всегда вышему и непрестанно сражаться съ препятствіями къ тому въ насъ самихъ.

Часть прикладная

Наука о добродѣтели, прилагая начала свои къ состояніямъ жизни и къ разнымъ отношеніямъ человѣка, опредѣляетъ различныя нравственныя должности наши. Говоря вообще о сихъ должностяхъ, а) обозримъ главнѣйшіе ихъ ихъ роды, б) сдѣлаемъ особенное замѣчаніе о должностяхъ къ Богу, которыя нѣкоторыми оспариваются, и в) замѣтимъ общія правила для соглашенія должностей, когда онѣ бывають въ спорѣ между собою.

а) Главные роды должностей.

Кругъ отношеній дѣятельности нашей, начинается отъ насъ, какъ отъ исходной точки, можетъ простираться какъ выше нашей природы, такъ и ниже ея. Такимъ образомъ можно разсматривать отношенія наши 1) къ самимъ себѣ, потомъ 2) къ другимъ существамъ, а) низшимъ насъ, т. е. къ вещамъ неодоушевленнымъ и къ животнымъ неразумнымъ, б) къ рав-

нымъ намъ, или нашимъ ближнимъ, в) къ высшимъ намъ, и при томъ или также конечнымъ существамъ, напр. къ ангеламъ, или къ существу безконечному — Богу. Существа низшія намъ, какъ не участвующія съ нами въ нравственномъ законодательствѣ, не могутъ потому обязывать насъ къ извѣстному образу дѣйствій; нравственныхъ должностей прямо къ нимъ мы не имѣемъ. Если мы обязаны нѣкоторыя вещи сохранять или даже уважать, напр. рѣдкія произведенія искусства; если должны обращаться съ неразумными животными безъ жестокости и стараться о ихъ сохраненіи или размноженіи: то это должности, собственно не къ нимъ, а должности наши къ самимъ себѣ или къ нашей природѣ разумно-нравственной. Что касается до существъ высшихъ намъ конечныхъ, то въ отношеніи къ нимъ могутъ имѣть мѣсто важнѣйшія должности нравственныя. Но какъ они не состоятъ съ нами въ соотношеніи ощутительномъ и для насъ опредѣленномъ, то какимъ образомъ опредѣлить по разуму особенныя къ нимъ обязанности? Намъ остается одно общее уваженіе къ высшей природѣ ихъ разумной и святой, обязанность соединяться съ ними духомъ предъ общимъ Отцемъ духовъ и верховнымъ Правителемъ міра нравственнаго. Итакъ въ нравственной философіи мы принимаемъ только три главные рода должностей: 1) должности къ себѣ самимъ, 2) должности къ нашимъ ближнимъ и 3) должности къ Богу.

б) Обязанности къ Богу.

Должности наши къ Богу. Какъ исключаетъ изъ правоученія, а хочетъ замѣнить ихъ своею религіею, которую онъ ограничиваетъ однимъ правоученіемъ. Причины, по которымъ онъ это дѣлаетъ, суть слѣдующія. 1. Должности, говоритъ онъ, могутъ быть только къ существамъ совершенно намъ извѣстнымъ, но о бытіи Бога мы не имѣемъ доказательствъ очевид-

ныхъ. 2. Богъ, какъ Существо высочайшее, имѣетъ одни права, а не обязанности, а потому не можетъ быть нравственнаго отношенія между Нимъ и нами. 3. Не должно смѣшивать обязанностей къ Богу съ обязанностями религіи. Первыхъ Кантъ не допускаетъ, а послѣднія почитаетъ должностями къ намъ самимъ, т. е. это обязанность идею Бога утверждать нравственныя побужденія въ нашемъ разумѣ. На это отвѣчаемъ. 1. Не всё, подобно Канту, такъ неуважительно въ доказательствамъ разума. Не только умы простые, но и высшіе, просвѣщеннѣйшіе убѣждаются ими, и потому не сомнѣваются въ бытіи Божиемъ. Не сомнѣваясь же въ томъ нельзя не сознать и особенныхъ отношеній нашихъ къ Существу высочайшему. Положимъ даже, что по однимъ доказательствамъ разума нельзя быть совершенно увѣреннымъ въ бытіи Божию: есть однакожъ у насъ другаго рода увѣренность, именно вѣра, которая есть столь же необходимая дѣятельность души, какъ мышленіе, чувствованіе и желаніе. Предметъ ея—откровеніе какъ внутреннее, всеобщее, такъ и внѣшнее, особенное. Для этой вѣры также очевидно бытіе Божіе, какъ очевидно бытіе нѣкоторыхъ существъ по опыту. 2. Несправедливо и то умствованіе Канта, что кто ко мнѣ не имѣетъ обязанностей, къ тому и я не имѣю обязанностей. Должности мы имѣемъ къ тѣмъ, которые имѣютъ право или власть насъ обязывать: но кто же болѣе имѣетъ таковой власти, кромѣ верховнаго Царя всѣхъ существъ нравственныхъ? 3. Кантъ смотритъ на идею Бога только какъ на средство для утвержденія побужденій нравственныхъ. Но если при этомъ идея Бога остается въ насъ совершенно недѣйствительною, бесплодною, если она не производитъ въ насъ благоговѣнія и любви къ Богу, то отсюда не происходитъ никакой религіи: это значитъ служить одному разуму. Это нравственный эгоизмъ, расчетъ ума; это самую нравственность лишаетъ истиннаго духа жизни.

О спорѣ должностей.

Замѣтимъ еще раздѣленіе должностей въ другихъ отношеніяхъ. Есть должности *безусловныя* и *условныя*, *высшія* (предписывающія высшее благо, или относящіяся къ высшему роду предметовъ) и *низшія*. Различаютъ также должности *справедливости* и должности *любви*. Первые называютъ *совершенными*, а послѣднія *несовершенными*, потому что первыя опредѣляютъ образъ дѣйствія, относительно предметовъ, совершенно, достаточно, а послѣднія—несовершенно, недостаточно (напр. правило: вспомошествуй бѣдствующимъ, не опредѣляетъ, какимъ образомъ вспомоствовать, сколько и кому). Справедливѣе назвать ихъ должностями *совершенно или несовершенно опредѣленными*.

При различіи должностей нашихъ, когда онѣ прилагаются къ извѣстному роду предметовъ, возможно противорѣчіе однихъ другимъ, взаимное ихъ ограниченіе. Но такого противоречія не можетъ быть между должностями чистыми (не прикладными), потому что самому существу нравственнаго законодательства принадлежитъ совершенное согласіе.

Главные правила, которыми должно руководствоваться при спорѣ должностей прикладныхъ, суть слѣдующія:

1. Должности безусловныя и высшія должно предпочитать должностямъ условнымъ и низшимъ.

2. Должности къ Богу выше всѣхъ другихъ должностей.

3. Благо общее должно предпочитать благу частному; напр. здоровье всего тѣла одному члену, благосостояніе отечества благосостоянію семейства.

4. Должности справедливости должно предпочитать должностямъ благодти. Сохраненіе первыхъ должно быть первымъ условіемъ (*conditio sine qua non*), безъ котораго нельзя совершать дѣлъ благодти.

Присовокупляютъ еще правило: должности къ своей личности должно предпочитать личности другаго. Но это правило требуетъ большей опредѣленности и такого ограниченія, чтобъ не вело къ своекорыстію и чтобъ уступало мѣсто совершенной любви къ ближнему, до которой человѣкъ добродѣтельный готовъ бываетъ подвергать и самъ себя опасности, дабы избавить отъ опасности другихъ.

О должностяхъ человѣка къ себѣ самому.

Понятіе о должностяхъ къ себѣ самому, говоритъ Кантъ, представляетъ въ себѣ повидимому противорѣчіе. Одно и то же лицо здѣсь есть и обязывающее и обязываемое, въ немъ есть обязанность страдательная и вмѣстѣ дѣйствительная. Но съ другой стороны, еслибъ не было должностей къ себѣ, то не были бы возможны никакія другія должности; потому что я не иначе признаю себя обязаннымъ, какъ если обязываю самъ себя.—Эту антиномію рѣшаетъ самъ же Кантъ тѣмъ, что въ должности къ себѣ человѣкъ обязывающій есть существо законодательное, умственное (ноуменъ), а обязываемый—существо дѣйствующее въ явленіи (феноменъ). Такая двойственность человѣка особенно видна въ дѣйствіяхъ совѣсти нашей: мы сами здѣсь себя обвиняемъ или оправдываемъ, слѣдовательно каждый есть и обвинитель и отвѣтчикъ, судія и подсудимый. Но справедливѣе сознать подчиненность своего существа законодательному въ высочайшей степени, т. е. Богу, и видѣть въ себѣ законъ, какъ изображеніе Его всесвѣтой воли.

Какъ всѣ должности, такъ и должности къ себѣ, можно раздѣлить на два рода; должности справедливости и должности любви. Первые, въ отношеніи къ намъ суть должности *самоохраненія*, вторыя—должности *усовершенія себя*; въ цер-

ныхъ болѣе отрицательный смыслъ, а во вторыхъ болѣе положительный. Тѣ и другія относятся или вообще къ природѣ нашей чувственно-разумной, или только къ природѣ нравственной, духовной.

а) *О должностяхъ самосохраненія*

аа) *по отношенію къ природѣ нашей вообще*

Здѣсь находимъ три главныя должности: I) сохранять свою жизнь и здоровье, II) сохранять собственность, III) сохранять цѣломудріе.

I) *Должность сохранять свою жизнь и здоровье.*

О первой должности скажемъ: а) какъ она важна, б) какія главнѣйшія средства для сохраненія здоровья, с) когда дозволено подвергать жизнь опасности и когда не позволено, д) что должно думать о самоубійствѣ?

а) Жизнь есть первый даръ Божій, а здоровье—ближайшее условіе жизни: потому сохранять эти дары Божиіе есть первый долгъ человѣка. Къ этому побуждаетъ насъ уже и инстинктивная любовь къ жизни, свойственная каждому существу живущему (законъ всеобщій). Еще болѣе обязываетъ къ тому представленіе нравственной цѣли, для которой жизнь есть необходимое средство. Это такое благо, безъ котораго другихъ важнѣйшихъ должностей исполнять мы не можемъ. Это есть весьма важное время, данное намъ Творцемъ для образованія себя и приготовленія къ вѣчности. Поэтому жизнь есть благо драгоцѣннѣйшее всѣхъ земныхъ благъ, которыя служатъ ей для питанія или увраченія, и слѣдовательно ни одно изъ нихъ не заслуживаетъ такого сохраненія и уваженія, какъ этотъ величайшій даръ Божій.

б) Для сохраненія здоровья вообще нужно наблюдать воз-

державі-- избѣгать пьянства, сластолюбія, роскоши: все это такіе пороки, которые унижаютъ достоинство человѣка, обезсильваютъ его тѣло, изнуряютъ здоровье, сокращаютъ жизнь и даже расслабляютъ силы душевныя. Притомъ они легко обращаются въ привычку, въ необходимость повторять ихъ, а такимъ образомъ влекутъ за собою неизбѣжную цѣпь различныхъ золъ. Главнѣйшія правила для укрѣпленія и сохраненія здоровья предлагаются слѣдующія: старайся 1) ограничивать свои жизненные потребности количествомъ наименьшимъ, самымъ необходимымъ, 2) чрезъ упражненіе тѣлесныхъ силъ, сдѣлать тѣло крѣпкимъ и сильнымъ, дабы оно наименѣе подвергалось опасности отъ перемѣнъ вѣшнихъ; потому слишкомъ раннимъ образованіемъ способностей умственныхъ не подавляй силъ тѣлесныхъ, 3) старайся сколько возможно исправлять недостатки своего темперамента, наприм. флегматическій приучай къ дѣятельности, холерическій—къ умѣренности и спокойствію.

е) Жизнь есть величайшее изъ благъ временныхъ, но по отношенію къ благу нравственному и душевному она есть только средство. Итакъ долгъ человѣка не падать тамъ жизни, гдѣ это нужно для цѣли высшей. Сохраненіе вѣры и добродѣтели, сохраненіе благосостоянія отечества несравненно болѣе обязательно для насъ, нежели сохраненіе нашей жизни и здоровья. Для приобрѣтенія и сохраненія этихъ благъ и дана намъ жизнь: безъ нихъ она не имѣла бы цѣны большей, какъ жизнь животныхъ неразумныхъ. Впрочемъ никакъ не позволено подвергать опасности жизнь тамъ, гдѣ этого не требуетъ высшій долгъ, наприм. по одному желанію показать свою смѣлость и храбрость. Не простительно также лишать себя нѣкоторыхъ членовъ, когда не требуетъ того благосостояніе всего тѣла, желая, наприм., избѣгнуть тѣмъ какой либо должности, или трудности въ исполненіи должности (castratio, для сохраненія цѣломудрія).

д) Обязанности самосохраненія болѣе всего противно самоубійство—произвольное лишеніе себя жизни, при умѣ неповрежденномъ.

Какъ возможно самоубійство при томъ всеобщемъ законѣ, по которому каждая сила въ природѣ стремится сохранять себя, а не разрушать? Между другими животными его нѣтъ: оно есть несчастное преимущество человѣка, и случается болшею частію въ среднемъ его возрастѣ, у юношей и мужей. Причина ближайшая здѣсь та, что въ человѣкѣ требованія сердца и духа могутъ превозмогать требованія естественныя: при семъ требованія законныя располагаютъ его приносить жизнь въ жертву долгу добродѣтели, а требованія незаконныя, наприм. ложной чести, побуждаютъ его къ самоубійству. Въ юношахъ содѣйствуютъ къ тому возбужденныя въ нихъ сильныя чувствованія, склонность къ идеальности, мечтательности, которыя, встрѣчая неудовлетворительность, вдругъ переносятъ ихъ изъ очаровательнаго міра въ какую-то пустоту, оставляютъ ихъ въ состояніи мучительной скуки и доводятъ до отчаянія. Въ мужахъ бываютъ еще болѣе противо-нравственныя побужденія, наприм. уничиженіе гордости, потеря корысти, иногда невѣрность супружеская и т. п. несчастныя обстоятельства.

Законъ нравственный запрещаетъ всякое самоубійство. Никакія тягости жизни, никакія даже опасности нравственныя не могутъ извинить его. Тягости жизни нести человѣкъ обязанъ; при всѣхъ ударахъ несчастія онъ долженъ быть преданъ волѣ Божіей; чѣмъ труднѣе побѣда, тѣмъ выше добродѣтель; геройская борьба съ напастями, говорили еще древніе, есть высокое позорище для самаго Божества. Неблагоразумно отклонять самоубійствомъ и нравственныя опасности, потому что когда непреклонна на зло воля, то ничто вѣшнее не можетъ повредить добродѣтели. Несправедливо говорить, что человѣкъ такое же имѣетъ право освободить себя отъ тяжести тѣла,

какъ выйти изъ невыгоднаго дома. Есть случаи, въ которыхъ и изъ невыгоднаго дома долгъ запрещаетъ выходить (напр. изъ темницы). Еще высшій долгъ запрещаетъ выходить намъ изъ тѣла: потому что жизнь дана намъ Богомъ, дана для высшихъ цѣлей, и Онъ одинъ можетъ обратно взять даръ свой. Безразсудно самоубійца будетъ надѣяться на безсмертіе. Надежда на безсмертіе облегчаетъ только пожертвованіе жизнью для добродѣтели, но утѣшать тѣмъ себя самоубійцѣ, значить тоже, какъ вонну утѣшать себя мирною жизнью въ отечествѣ, когда онъ, оставляя свою должность, убѣгаетъ и измѣняетъ отечеству. Чтобы оставить намъ здѣсь свое мѣсто, нужно ожидать на то повелѣнія Божія, которое объявляется намъ въ законѣ добродѣтели, а не въ беззаконномъ своеволіи страстей.

III) *Должность относительно собственности.*

Для поддержанія своей жизни и для достиженія полезныхъ цѣлей человекъ имѣетъ не только право, но и долгъ приобретать и сохранять свою собственность: иначе онъ былъ бы туняцдемъ въ обществѣ, былъ бы другимъ въ тягость. *Во потъ лица твоего съси хлѣбъ твой*: это обязанность, которую исполнять должно по возможности каждому; и если не всё исполняютъ ее въ буквальномъ смыслѣ, то потому только, что въ благоустроенномъ обществѣ есть средства для нѣкоторыхъ замѣнять и искупать труды земледѣльца другими трудами, полезными для общества. Изъ сего общаго долга происходятъ: долгъ *бережливости*, долгъ *рачительности* и — *труда*. Но дабы всё эти добродѣтели, по злоупотребленію, не обращались въ пороки, должно держаться слѣдующаго правила: смотри на имущество не какъ на цѣль, а какъ на средство къ другимъ добрымъ цѣлямъ. Погрѣшая противъ этого правила, мы впадаемъ или въ *скудость*, или въ *расточительность*, или въ *корыстолюбіе*.

Скупой не наслаждается своимъ имуществомъ, обрекаетъ себя на терпѣнныя всякихъ нуждъ для сохраненія своихъ денегъ, слѣдовательно самъ себя дѣлаетъ средствомъ по отношенію къ собственности. Онъ питаетъ такое же уваженіе къ бездушной вещи, какое должно имѣть только къ лицу или даже къ самому Божеству; потому сребролюбіе весьма справедливо сравнивается съ идолопоклонствомъ. Сверхъ того скупой побуждается страстью своею употреблять всякія незаконныя мѣры для пріумноженія своего сокровища. Къ большому несчастію, скупость усиливается съ лѣтами. *Расточительный*, хотя въ извѣстномъ отношеніи противоположенъ скупому, но по началу своему онъ столько же пороченъ. Страсть, которую скупой обращаетъ на вещь, онъ обращаетъ къ своей чувственности, для которой ничего не щадитъ, изъ которой дѣлаетъ себѣ идолъ. Но расточительность, которой предаются чаще въ молодыхъ лѣтахъ, удобнѣе оставляется, нежели скупость, которой предаются въ лѣтахъ мужескихъ и въ старости.—Тотъ и другой порокъ соединяетъ въ себѣ *корыстолюбецъ*, котораго единственное желаніе—богатѣть, какими бы то ни было средствами. Онъ можетъ любить и роскошь, даже пышность: тѣмъ сдѣлать онъ съ расточительнымъ; но онъ всегда занятъ желаніемъ пріобрѣтенія большаго: это уподобляетъ его скупому. Во всѣхъ этихъ случаяхъ человекъ несправедливъ противъ себя самого.

III) *Долгъ цѣломудрія.*

Еще важнѣе долгъ человека охранять цѣломудріе. Не безъ цѣли дано намъ врожденное чувство стыда, обнаруживающее себя всего болѣе по отношенію къ пороку сладострастія, такъ что самое имя его, болѣе нежели имя другихъ пороковъ, бываетъ намъ нестерпимо. Это показываетъ то, что порокъ сладострастія увиливаетъ насъ въ самыя основанія при-

роды нашей: это самое величайшее преступленіе противъ достоинства природы человѣческой. Несправедливо называютъ этотъ порокъ любовью: истинная любовь должна имѣть благороднѣйшія цѣли, а не низкія, скотскія; должна быть украшеніемъ и созиданіемъ человѣчества, а не позоромъ ему и разрушеніемъ. Сладострастіе разрушаетъ и тѣло и душу. Разрушаетъ душу, потому что разстроиваетъ ея способности—память, воображеніе, разумъ; сердце дѣлаетъ безчувственнымъ ко всему истинно доброму и прекрасному. Разрушаетъ тѣло, повреждая его въ самой благороднѣйшей части его—въ системѣ нервной. Совершенно убійственъ этотъ порокъ въ лѣтахъ молодыхъ, когда тѣло должно еще расти, укрѣпляться и на это только употреблять свою воспроизводительную силу. Чахотка, меланхолія и даже сумасшествіе бывають послѣдствіями этого ядовитаго порока.

66) *Относительно природы нравственной.*

Долгъ справедливости къ природѣ нашей духовной есть уваженіе къ ней, сознание высокаго ея достоинства. Изъ этого происходитъ особенно важный долгъ: уважать главное начало ея—истину, и потому гнушаться всякой лжи.

1) *Долгъ справедливаго уваженія къ себѣ.*

Чувство чести намъ врожденно. Но долгъ добродѣтели требуетъ, чтобъ оно обращено было въ насъ къ предмету его достойному: таковъ предметъ—природа наша духовная, нравственная. Сознать ея достоинство, поставлять ее всегда несравненно выше природы нашей животной есть важнѣйшій долгъ нашъ. Безъ этого сознанія человѣкъ унижаетъ себя до степени скотовъ. Но и чувство чести можетъ быть употреблено во зло и породить пороки. Если оно соединяется съ

эгоизмомъ, а не съ нравственно-доброю волею, то производить честолюбіе, гордость и тщеславіе— пороки, которые представляютъ намъ и мнимыя достоинства или преимущества наши достойными великаго уваженія отъ насъ самихъ (гордость) или отъ другихъ (тщеславіе). Съ другой стороны, если чувство чести подавляется эгоизмомъ болѣе грубымъ и низкимъ, то происходитъ другой, противоположный порокъ: человекъ, забывъ достоинство нравственное, не стараясь его ни сохранить, ни возстановить, унижаетъ самъ себя предъ другими и лицемернымъ смиреніемъ старается снискать или корысть или благоволеніе другихъ. Это *раболизмъ* или *низость* духа. Гордости противопоставляется любовь къ истинной чести (*любочестіе* законное); отъ низости духа отличается истинное *смиреніе*, которое при всѣхъ достоинствахъ сознаетъ истинные недостатки и слабости наши, и не допускаетъ насъ изъ самыхъ добродѣтелей нашихъ дѣлать идолъ для поклоненія намъ самимъ или другимъ.

Къ злоупотребленіямъ чувства чести должно относить *поединки* для защищенія своей чести. Такое защищеніе не можетъ быть одобрено закономъ истинной честности. 1) Оно безразсудно, потому что истинная честь какъ не можетъ быть отнята ничѣмъ внѣшнимъ, такъ и возстановлена не можетъ быть никакою внѣшнею силою; 2) противно долгу къ себѣ самому: ибо *собственную жизнь рѣшающагося на поединокъ подвергаетъ ближайшей опасности*; 3) противно долгу къ ближнему, имѣя цѣлью отнять жизнь у другаго, отнять членъ у семейства или общества; 4) противно праву гражданскому, по которому мы обязаны защищать внѣшнюю честь свою силою законовъ гражданскихъ, а не самовольно. Справедливо, что и внѣшнюю честію должно дорожить; но главная цѣль не въ этой чести, а въ чести внутренней, въ честности и добродѣтели. При оскорбленіи чести наилучшій судъ есть судъ добродѣтели, которая заповѣдуетъ намъ любовь, терпѣніе и примиреніе.

II) *Долг истиннолюбів.*

Къ обязанности сохранять достоинство нашей природы нравственной ближайшимъ образомъ относится долг истиннолюбів. Врожденное намъ чувство истины есть требованіе вѣчной Истины, подобно какъ чувство добра — требованіе вѣчной Святости и Благости; оно возлагаетъ на насъ священный долгъ всегда быть вѣрными истинѣ, и выражать се какъ во внутренней, такъ и внѣшней дѣятельности нашей, — долгъ столько важный, что для сохраненія истины не должно падать самой жизни. Нарушеніе этого долга есть нарушеніе самаго основанія нравственности.

Истиннолюбіву противны: *ложь и притворство или лицемеріе.*

Кантъ говоритъ: «ложь есть отверженіе и какъ бы уничтоженіе достоинства человѣческаго; человекъ, который самъ не вѣритъ тому, что говоритъ другому, имѣетъ низшее достоинство, нежели вещь неодушевленная». Онъ же замѣчаетъ, что «св. Писаніе производитъ всякое зло не отъ убійства Каинова, а отъ лжи, и что ложь есть начало всякаго порока». Дѣйствительно, во всякомъ порокѣ и преступленіи обнаруживается неуваженіе къ истинѣ закона, и слѣдовательно наклонность ко лжи; всякій порокъ есть ложь, есть насиліе совѣсти; противопоставленіе побужденіямъ закона побужденій ложныхъ, поставленіе вмѣсто блага истиннаго добра ложнаго. Можно сказать, что вся жизнь порочнаго есть цѣпь лжей. — Низшей степени ложь, когда лгутъ по легкомыслію, для забавы себя и другихъ; высшая степень лжи, когда она переходитъ въ злость и имѣетъ цѣлью — вредить другимъ; а самая высшая степень состоитъ въ лжесвидѣтельствахъ и клятвопреступленіи, — ложь, которая силится, такъ сказать, обмануть самаго Бога. — Имѣя въ виду существенную связь истиннолюбів съ нравственностію,

все лучшее воспитатели поставляют необходимыми правиломъ то, чтобъ при воспитаніи болѣе всего обращать вниманіе на чувство истины, и потому никакъ не позволять дѣтямъ лжи. Средствомъ къ утверженію истиннолюбія поставляютъ усиленіе чувства чести, которое, говорятъ, одно можетъ обезсилить въ человѣкѣ склонность ко лжи. Замѣтимъ однакожъ, что чувство чести, противопоставляемое лжи, должно быть чувство чести истинной, а не честолюбіе; потому что ложь столько же совмѣстна съ честолюбіемъ, какъ и съ другими страстями.

Притворство есть особенный видъ лжи, когда человѣкъ совсѣмъ иначе говоритъ и поступаетъ, нежели какъ требуютъ правила его дѣятельности. Здѣсь эгоизмъ бываетъ въ спорѣ съ чувствомъ нравственнымъ, разсудокъ отдѣляется отъ сердца, и человѣкъ для достиженія цѣли своего самолюбія употребляетъ видъ добра, какъ орудіе, обманывая тѣмъ другихъ. Но какъ лжецъ, такъ и лицемеръ всегда вредитъ болѣе себѣ самому, нежели другимъ: онъ унижаетъ свое достоинство нравственное, такъ что если-бъ возбудилось въ немъ нравственное чувство, то онъ почелъ бы достойнымъ презрѣнія самъ себя.—Отъ притворства должно отличать *скрытность*, которая возможна безъ нарушенія чувства нравственнаго. Есть случаи, въ которыхъ откровенность бываетъ вредна для самой истины, въ которыхъ весьма нужно скрывать отъ другихъ цѣль нашихъ дѣйствій. Въ такихъ случаяхъ скрытность есть долгъ благоразумія.

б) *О должностяхъ любви къ самому себѣ.*

Должность любви къ самому себѣ, или долгъ самоусовершенствованія не есть слѣдствіе самолюбія, которое, не смотря на достоинства и различіе вещей и лицъ, старается обращать все въ средства для своихъ цѣлей. Нравственная любовь къ себѣ есть любовь къ совершенству, свойственному природѣ чело-

вѣческой, — любовь, которая пользуется одними законными средствами. Цѣль ея есть какъ совершенство природы нашей физическое (тѣла и души), такъ и преимущественно — совершенство нравственное.

а) *О совершенствѣ человеческой природы физическомъ.*

Попеченіе о тѣлѣ.

Въ наукѣ о добродѣтели не мѣсто говорить о средствахъ для усовершенія тѣла нашего, а должно вообще замѣтить, каково должно быть употребленіе такихъ средствъ. Здѣсь надлежитъ избѣгать двухъ крайностей: съ одной стороны излишней заботливости о тѣлѣ, которая дѣлаетъ человѣка изнѣженнымъ и чрезъ мѣру чувствительнымъ, съ другой стороны — излишней строгости, которая обременяетъ и изнуряетъ тѣло трудами и ненужными лишеніями. Какъ пристрастіе къ тѣлу, такъ и ненависть къ нему противны закону нравственному. Цѣлью попеченія нашего о тѣлѣ должно быть укрѣпленіе и возвышеніе тѣлесныхъ силъ. Для того должно сохранять чистоту тѣла или опрятность, его здоровье, и въ особенности чѣстность и совершенство органовъ чувствъ, какъ ближайшихъ орудій души.

Попеченіе о душѣ.

Душа, какъ благороднѣйшая часть существа нашего, должна быть предметомъ наибольшаго попеченія нашего. Укрѣплять память, образовывать мыслительную силу, утончать чувство изящнаго, раскрывать и возвышать другія силы и способности духа, значитъ достигать достоинства человѣческаго; закоснѣвать въ невѣжествѣ, не стараться объ умноженіи и возвышеніи своихъ познаній, даже оставаться на одной степени ихъ — недостойно человѣка, котораго назначеніе — всегда стремиться къ совершенству высшему. Правда, науки не составляютъ еще

главной цѣли человѣка, но они даютъ намъ наилучшее средство и къ возвышенію совершенства нравственнаго. Человѣкъ образованный яснѣе понимаетъ долгъ свой, и въ исполненіи его поступаетъ съ большимъ вниманіемъ, съ благороднѣйшими побужденіями. Впрочемъ при образованіи душевныхъ силъ нужно наблюдать порядокъ и правильность. Всего болѣе образовывать должно разумъ, какъ правительственную силу души.

Относительно низшихъ способностей должно различать тѣ, которыхъ дѣйствіе благопріятно для нравственности, и тѣ, которыя служатъ препятствіемъ къ ея совершенству.

Къ первымъ относится чувство изящнаго, чувство стыда и чувство симпатіи, которыя потому должно питать въ себѣ и уточать. Къ послѣднему роду принадлежатъ пожеланія чувственныя, похотѣнія и страсти: ихъ должно умѣрять, укрощать, и, если возможно, совершенно искоренять.

66) *О совершенствѣ нравственномъ.*
Долгъ совершенства нравственнаго.

Какъ жизнь наша животная и вообще все физическое имѣетъ цѣну только по отношенію къ жизни нравственной; то образовать себя и стремиться къ высшимъ степенямъ нравственности есть важнѣйшій долгъ человѣка. Для этого преимущественно должно образовать тѣ способности, которыя ближайшимъ образомъ содѣйствуютъ къ возвышенію силы нашей воли, и неослабно стараться о томъ, чтобы склонность къ добру нравственному превозмогала всѣ другія наклонности наши. Такія способности суть разумъ и совѣсть. Итакъ

а) старайся приобрести правильное и ясное понятіе о своихъ отношеніяхъ къ другимъ и важнѣйшимъ обязанностямъ. Средство къ этому есть *самопознаніе*. Чѣмъ лучше знаемъ мы себя, достоинство нравственной природы нашей, главную

цѣль нашей жизни и отношенія, въ которыхъ мы поставлены верховнымъ Правителемъ міра нравственнаго, тѣмъ яснѣе прозрѣваемъ въ порядокъ какъ естественный, такъ и нравственный и познаемъ его необходимость, потому что усматриваемъ связь его съ врожденными намъ потребностями духа. Такимъ образомъ познаніе себя доставитъ намъ больше удобства въ дѣйствіяхъ, сообразныхъ съ закономъ божественнымъ. Оно снабдитъ насъ и тѣми руководительными правилами, которыхъ нравственная польза во всякомъ случаѣ несомнѣнна.

б) Старайся всегда сообразать дѣйствія твои съ нравственными правилами, въ совершенствѣ которыхъ ты увѣренъ и въ которыхъ видишь волю Божію. Мало-по-малу ты приобрѣтешь наклонность ко всему доброму и законному, ея будешь побѣждать противныя наклонности; для тебя легко будетъ различить, въ большей части случаевъ, добро истинное отъ мнимаго, долгъ высшій отъ низшаго, и будетъ менѣ трудности въ его исполненіи. Такъ достигнешь ты истинной мудрости, которая не состоитъ въ одномъ познаніи закона, не состоитъ и въ однихъ добрыхъ чувствованіяхъ, но состоитъ въ постоянномъ согласіи дѣйствій нашихъ съ началами нравственными.

в) Уважай всегда гласъ твоей совѣсти и подчиняй себя суду этого внутренняго судіи твоего. Гласъ правосудія небеснаго слышится внутри насъ. Это самое ощутительное доказательство того, что мы граждане міра невидимаго, духовнаго, что дѣйствія наши подлежатъ высшей отвѣтственности и будутъ нѣкогда оцѣнены верховнымъ Судіею, предъ которымъ ничто не можетъ быть сокрыто. Слушаясь этого гласа, ходи въ присутствіи Всевышняго; не для глазъ и суда людей только будь добрымъ, но для Того, Кто видитъ сердце твое и въ рукахъ Котораго вѣчная судьба твоя; сообразная съ твоимъ состояніемъ нравственнымъ.

г) Наконецъ, никогда не воображай, что ты довольно успѣлъ въ совершенствѣ нравственномъ. Полнаго совершенства ни въ чемъ нѣтъ въ этой жизни, тѣмъ менѣе его въ нашей нравственности. Долгъ нашъ — непрестанно стремиться къ высшимъ степенямъ, а потому каждую степень, на которой мы стоимъ, почитать только приготовленіемъ къ совершенству. Всегда сознавай свои недостатки и слабости и по всей возможности старайся препобѣждать ихъ. Истинный путь къ совершенству есть смиреніе.

О должностяхъ къ ближнему.

О должностяхъ къ ближнему вообще.

Человѣкъ имѣеть стремленіе къ соединенію съ подобными себѣ. Достоинство и цѣль природы его такъ возвышенны, а слабость силъ его такъ велика, что счастье и совершенство человѣческой природы не могутъ быть достигнуты безъ взаимнаго соединенія людей между собою, безъ согласной ихъ общей дѣятельности. Потому каждый изъ насъ долженъ почитать себя не только мысленнымъ членомъ всеобщаго, невидимаго царства Божія или міра нравственнаго, но членомъ и видимаго общества человѣческаго, и соотвѣтственно тому имѣеть свои обязанности. Ничто столько не сильно положить преграду злу нравственному и столько способствовать возрастанію добродѣтели, какъ общество, союзомъ законовъ нравственныхъ утверждаемое и согласно стремящееся къ благу общему. Сдѣйствіе наше и стремленіе къ этому благу противодѣйствуетъ наклоностямъ эгоизма нашего и распространяетъ дѣятельность любви. Общее благо есть цѣль, сообразная съ волею премудраго и всеблагаго. Правителя существъ нравственныхъ,

а потому главная цѣль, къ которой они должны стремиться. Итакъ не себѣ одному жить, но жить для другихъ: это есть законъ Божій, который обязываетъ каждое существо разумное. Изъ него производятся всѣ обязанности наши по отношенію къ другимъ, или обязанности къ ближнему.

Должности въ отношеніи къ другимъ, подобно какъ и другія, состоятъ изъ должностей уваженія или справедливости, и должностей любви или доброты (благости). Но сверхъ того онѣ допускаютъ болѣе обширное раздѣленіе. Человѣка можно разсматривать, какъ членъ по отношенію вообще къ человѣческому роду, соединенный съ другими общею природою человѣческою, и какъ членъ особеннаго общества. Отсюда происходятъ два рода должностей:

А. Должности по отношенію къ человечеству (*officia humanitatis*).

Б. Должности общественныя (*officia socialia*).

А. О должностяхъ по отношенію къ человечеству.

Обязанности по отношенію къ человѣкамъ вообще основаны на понятіи о достоинствѣ и важности природы человѣческой, и выполняются *уваженіемъ* и *любовію* къ другимъ. Долгъ уваженія требуетъ, чтобы взирать на каждаго человѣка, не какъ на средство или одно орудіе нашей воли, но какъ на лице, само по себѣ имѣющее свои цѣли, достойныя такого же уваженія, какъ и наши цѣли. Долгъ любви предписываетъ то, чтобы благія цѣли другихъ мы почитали не только не чуждыми для насъ, но и своими цѣлями, требующими съ нашей стороны возможныхъ усилій и пожертвованій. Тотъ и другой долгъ имѣютъ неразрывную между собою нравственную связь: уваженіе безъ любви раздѣлило бы человѣковъ, а любовь безъ уваженія произвела бы въ нихъ безпорядочное смѣшеніе.

а) *Должности уваженія или справедливости.*

О должностях уваженія вообще.

Природа человѣческая достойна сама по себѣ справедливаго уваженія. Человѣкъ не есть вещь, которую употреблять можно по произволу: онъ какъ лицо имѣетъ свои права, свои цѣли; онъ гражданинъ великаго царства Божія нравственнаго, носитъ въ себѣ образъ Божій, занимаетъ здѣсь мѣсто по волѣ Вседержителя и есть наслѣдникъ безсмертія. Итакъ если каждый изъ насъ имѣетъ право на уваженіе отъ другихъ, то и самъ обязанъ уважать другихъ. Отказывать кому либо въ уваженіи, являть ему презрѣніе есть обида человѣчеству. Конечно, нельзя уважать каждаго одинаково,—долгъ же справедливости требуетъ у насъ одного, по высшимъ достоинствамъ его, предпочитать другому; но противно всякой справедливости оказывать кому бы то ни было изъ человѣковъ явное презрѣніе. Предположимъ, что другой самъ себя сдѣлать недостойнымъ уваженія; но все же мы должны уважать въ немъ человѣка. Самый злодѣй, самый развратникъ еще не изгнанъ отъ лица Божія, а потому не потерялъ еще всѣхъ правъ человѣчества.

Презрѣніе къ другимъ есть слѣдствіе эгоизма, по которому кто либо унижая цѣну другихъ, тѣмъ самымъ явно или скрытно приписываетъ самъ себѣ несправедливую цѣну. Самый худшій порокъ въ этомъ отношеніи есть *гордость и тщеславіе*, по которому требуютъ себѣ великаго уваженія отъ другихъ, сами платя имъ явнымъ презрѣніемъ. Гордость не только несправедлива, какъ противная долгу уваженія къ другимъ, но и безразсудна, потому что не достигаетъ предполагаемой ея цѣли, т. е. уваженія отъ другихъ, а напротивъ тѣмъ большее поселаетъ въ нихъ презрѣніе къ себѣ, чѣмъ большаго требуетъ уваженія и чѣмъ несправедливѣе унижаетъ другихъ. Еще обиднѣе и злобнѣе та гордость, которая соединена съ презри-

тельными насмѣшками надъ другими. Въ уничиженіи и осмѣяніи другихъ находить удовольствіе—есть нѣчто дьявольское, а не человѣческое¹⁾.

Долгъ уваженія къ другимъ въ особенности оказываетъ себя аа) въ словахъ,—честность слова, правдивость, и бб) въ дѣлахъ, преимущественно въ отношеніи къ жизни и собственности ближняго.

аа) *Честность въ словахъ или правдивость.*

Говорить всегда истину есть долгъ добродѣтели, потому что истина и добродѣтель неразрывно соединены между собою, и гдѣ вѣтъ одной, тамъ не можетъ быть и другой. Притомъ ложь всегда предполагаетъ неуваженіе къ тому, кому она говорится, и слѣдовательно противна долгу справедливости. Итакъ не только клевета, лжесвидѣтельство, злословіе противны закону нравственному, но и всякая ложь, хотя бы не имѣющая намѣренія повредить другому. Польза, которой хотѣтъ иные достигать ложью, всегда почти можетъ достигаться *молчаливостію* или *благоразумною скрытностію*. Позволительно или совсѣмъ умалчивать о томъ, что дѣлаемъ или предпринимаемъ, или открывать одну часть дѣла, и такимъ образомъ избѣгать опасности отъ злонамѣренныхъ.

Еще преступнѣе та ложь, которая соединяется съ клятвою или присягою. Дающій клятву заставляетъ другаго надѣяться не только на свою честность и правдивость, но и на свою вѣру въ Бога, и потому, преступая клятву, онъ оказываетъ себя не только нечестнымъ, но и нечестивымъ.—Долгъ честности требуетъ, чтобы мы и безъ клятвы данное слово сохраняли также, какъ

¹⁾ Мизантропія, если она не есть болѣзненное состояніе духа, происходитъ отъ темперамента, во всякомъ случаѣ неизвинительна. Незавидѣть всѣхъ за то, что нѣкоторые оскорбляютъ насъ, крайне неосрачедливо.

клятвенное, потому что даемъ его всегда въ присутствіи Божіи и должны всегда сознавать это присутствіе ¹⁾).

Долгъ защищать жизнь и собственность другаго.

66) Защищать жизнь и собственность другихъ есть долгъ справедливости общественной: ибо для того и соединяемся мы въ обществѣ, чтобъ въ этомъ соединеніи найти безопасность, чтобъ пользоваться защитой отъ другихъ. Но и независимо отъ понятія и связи общественной, каждый долженъ почитать жизнь и собственность другаго за нѣчто священное для себя. Здѣсь видѣнъ порядокъ Божественный, который должно всегда уважать, и по всей возможности нашей сохранять. И такъ слѣдующіе и имъ подобные случаи не могутъ быть опускаемы безъ нарушенія долга нравственнаго.

Если кто покушается на жизнь другаго, знающій о томъ долженъ по всей возможности отклонять эту опасность ближнему.

Если гонимый злонравнымъ врагомъ своимъ ищетъ убійца въ моемъ домѣ, я долженъ принять его и не выдавать, какъ только по требованію законнаго правительства.

Въ случаѣ опасности для дома или другой собственности ближняго долгъ каждаго употребить для спасенія его всякое законное средство.

Но въ томъ случаѣ, когда нужно спасти и себя и другаго, и нѣтъ возможности исполнить одинъ долгъ, не опустивъ другаго, долгъ справедливости запрещаетъ только то, чтобъ не спасать себя на счетъ другаго, наприм. при кораблекру-

¹⁾ Впрочемъ моралисты допускаютъ преступленіе такой клятвы, которой исполненіе было бы противно долгу нравственному, а вмѣстѣ не почитаютъ зломъ и ту ложь, которая есть единственное средство для сохраненія другаго отъ зла (напр. обманъ непріятеля для спасенія отечественнаго войска).

шенія не отнимать послѣдней доски у погибающаго, которую онъ воспользовался прежде меня ¹⁾.

б) *Обязанности любви.*

Обязанности любви по отношенію къ челоуѣчеству не могутъ быть выражены болѣе простымъ и опредѣленнымъ правиломъ, какъ евангельскимъ: «люби ближняго твоего, какъ себя самого». Помышлять и стараться о счастьи и совершенствѣ другихъ столько же должно, сколько о счастьи и совершенствѣ собственномъ. Здѣсь представляются три особенные вида добродѣтели: 1) *благотворительность*; 2) *благодарность*; 3) *соучастіе*.

О благотворительности.

1) Путь благотворительности состоитъ въ готовности воли: каждому челоуѣку дѣлать доброе и полезное и избѣгать всего, что можетъ нанести ему вредъ и неудовольствіе. Не по временамъ только и въ отношеніи нѣкоторыхъ извѣстныхъ лицъ она должна выражать себя, но должна быть всегдашнею и всеобщею. Свойства и признаки благотворительнаго суть: ласковость, учтивость, миролюбіе и кротость. Но самая благотворительность можетъ имѣть многоразличные виды, какъ со стороны подлежащей, такъ и подлежащей. Въ первомъ отношеніи благотворительность можетъ быть изъ видовъ славолюбія или изъ желанія обязать другихъ и привлечь къ себѣ: это благотворительность ложная, не имѣющая цѣны нравственной. Можетъ также быть недостаточною, безъ пожертвованія, напр. небольшая милостыня богача. Истинная благотво-

¹⁾ Къ долгу сохранять жизнь другихъ относится также: отвращать другихъ отъ самоубійства, не погребать умершихъ безъ очевидныхъ признаковъ смерти, подвергаться общественнымъ мѣрамъ въ случаѣ заразы, принимать ослу, и т. п.

рительность, происходя отъ чистой, безкорыстной любви, не падать пожертвованій, не желаетъ даже обязать другаго благодарностію; любить дѣлать добро въ тайнѣ и почитаетъ благодареніемъ для себя, если ея благодареніе принято и можетъ быть полезно другому. И такъ напрасно называютъ ту благотворительность милостію, которая происходитъ отъ высшаго къ низшему. Милость собственно относится къ смягченію справедливыхъ наказаній и вообще строгости законной, и приличествуетъ однимъ государямъ, а всякая благотворительность есть исполненіе долга нравственнаго, а потому не есть милость.—Виды благотворительности со стороны предлежательной бываютъ также различны: она или иждиваетъ въ пользу другаго имуществу,—это *щедрость*, или помогаетъ ему трудами,—*услужливость*, или умѣряетъ права свои въ пользу другихъ,—это *снисходительность*. Спрашиваютъ: на что и на кого всего лучше употреблять благотворительность? На то, что наиболѣе приносить пользы человечеству и на тѣхъ, которые не только имѣютъ нужду, но и достойны вспоможенія. На этомъ основаніи истинная благотворительность изыскиваетъ тѣхъ несчастныхъ, которые скрываютъ свои нужды и стыдятся просить; вспомошествуетъ воспитанію и образованію юношества; учреждаетъ больницы и страннопріимные дома, участвуетъ въ благотворительныхъ заведеніяхъ для сиротъ и вдовъ и т. п. Что касается до милостыни, то производить ее должно такъ, чтобы не питать ея праздныхъ тунеядцевъ. Людямъ неизвѣстнымъ не должно давать много, исключая престарѣлыхъ и увѣчныхъ, о которыхъ не нужно свидѣтельства другихъ. Впрочемъ и неизвѣстныхъ презирать не должно: ибо лучше подать милостыню 10-ти недостойнымъ, нежели одному достойному не подать.

Самый высшій степень благотворительности тотъ, когда обращаютъ ее на самыхъ враговъ своихъ. Здѣсь наиболѣе видно безкорыстіе и человѣколюбіе чистое, которое смотреть

на враговъ съ большимъ сожалѣнiемъ, нежели на больныхъ и бѣдныхъ, и желаетъ возвратитъ ихъ къ любви болѣе, нежели послѣднихъ къ здоровью и счастью ¹⁾.

О благодарности.

2) Благодарность состоитъ въ особенномъ уваженiи благодѣтеля и прiятной для него услужливости. Долгъ благодарности есть также долгъ любви и долгъ сколько справедливый, столько и священный. Справедливость требуетъ, чтобы мы, принявъ благодѣянiе отъ другаго, чувствовали себя обязанными къ нему, какъ должники его по любви. Любви соответствовать должна любовь же. Польза самой добродѣтели требуетъ того: ибо оказывая себя невнимательными или нечувствительными къ благодѣтелю, мы чрезъ то можемъ охладитъ любовь его, сократить благотворительность. Низшая степень благодарности, когда воздаемъ за благодѣянiя услугами имъ равными; высшая же благодарность та, которая старается воздать благодѣтелю любовью болѣею. Виды благодарности могутъ быть и правильные и неправильные. То не есть благодарность истинная, когда оказавъ благодѣтелю взаимную услугу, не почитаемъ себя уже болѣе обязанными ему. Еще хуже тѣ дѣйствiя благодарности, которыми хотимъ искупить для себя болѣе благодѣянiй. Самая же худшая благодарность та, по которой, въ угодность другаго, рѣшаются дѣлать все безчестное, противное добродѣтели: это значитъ въ жертву частной добродѣтели приносить всю добродѣтель, жертвовать совѣстью, самымъ закономъ нравствен-

¹⁾ Платонъ говоритъ (*deleg.* I. 5): «человѣкъ несправедливый достоинъ состраданiя, какъ и больной. Но должно сожалѣть о томъ, въ комъ зло еще удобовлѣчно, а гнѣвъ претворять на кротость и не питать къ нему ожесточенiя и ненависти, какъ женщины. Только противъ злою и совершенно потерянаго должно оказывать гнѣвъ свой». — Это правило хорошо для суди. Но въ обидахъ личнымъ справедливыя правила евангельская: любите враговъ своихъ и пр.

нымъ. Истинная благодарность совершенно согласна съ добродѣтелию, справедлива и честна. Она никогда не измѣняется и не умираетъ: а по смерти благодѣтеля она сохраняетъ къ нему уваженіе, любить его семейство и все, что о немъ напоминаетъ.

3) *Соучастіе*.

3) *Соучастіе*, т. е. сорадованіе съ радующимися, и состраданіе къ страдающимъ имѣетъ корни свои въ самой природѣ чловѣка (симпатія), и въ такомъ смыслѣ она не есть долгъ нравственный. Соучастіе дѣлается добродѣтелию тогда, когда происходитъ отъ побужденій нравственныхъ, подъ управленіемъ разума. Посему соучастіе раздѣляется на *эстетическое* и *практическое*. Первое есть способность легко и скоро воспринимать въ себя чувствованія другихъ; въ послѣднемъ съ чувствомъ соединяется соотвѣтственная тому дѣятельность; оно не слезами только сочувствуетъ несчастному, но дѣятельною ему помощію и словами утѣшенія. Несправедливо стоики лишали своего мудреца соучастія эстетическаго; соучастіе нравственное было бы безъ него гладно, безъ живаго побужденія. Еще несправедливѣе эпикурейцы запрещали всякое состраданіе, — для того, говорили они; чтобы вмѣсто одного не страдать двоимъ. Сочувствіе нужно для образованія нашего духа къ высшимъ цѣлямъ его нравственнымъ, которыхъ должно достигать не разсудкомъ только, но и сердцемъ. Добродѣтельный не только не старается подавить въ себѣ сочувствіе, но даже случаетъ къ его возбужденію: онъ не обходитъ мѣстъ несчастныхъ и больныхъ, но изыскиваетъ ихъ. Впрочемъ, что не довольно одного сочувствія эстетическаго, а необходимо нравственное, видно и изъ того, что первое отъ частаго обращенія съ несчастными притупляется, а послѣднее остается всегда неизмѣнно.

О порокахъ, противныхъ любви къ человечеству.

Любови 1) противопоставляется равнодушие, 2) совершенно противна ненависть, а 3) въ высшей степени — зложелательность. Если равнодушіе постоянно господствуетъ, то это есть нечувствительность или прибрѣтенная, или естественная, но не побѣжденная нравственною волею, а потому порокъ, унижительный для человѣческой природы. Изъ равнодушія переходятъ или къ расположенности, потомъ согласію и наконецъ къ любви, или къ нерасположенности, несогласію и наконецъ къ ненависти. Въ нерасположенности яснѣе видятъ и болѣе чувствуютъ непріятныя свойства другаго, нежели пріятныя; въ несогласіи происходятъ частыя споры и ссоры, но еще не всё добрыя свойства другаго потемняются; въ ненависти, напротивъ, все доброе въ другомъ для насъ потемняется, и мы становимся въ совершенную съ нимъ противоположность по чувствованіямъ. Ненависть искореняетъ въ насъ всякое добро, изгоняетъ изъ сердца нашего всё благородныя наклонности, и произраждаетъ въ немъ всё пороки и страсти. Высшая степень этого зла есть зложелательность, въ которой злая воля обращается въ характеръ, управляется не только превратными наклонностями, но и превратнымъ началомъ, въ которой чувствуютъ не только отвращеніе отъ другаго, но и стремленіе дѣлать ему зло, вымышляютъ его, обдумываютъ и ищутъ къ тому средствъ.

Виды ненависти.

Отрасли или виды ненависти суть: а) *вражда*, б) *зависть*, в) *злорѣчивость*, г) *злорадованіе*.

а) Вражда собственно противопоставляется дружбѣ, какъ ненависть любви. Охлажденная любовь превращается въ нена-

висть, и здѣсь происходятъ противоположность преимущественно въ чувствованіяхъ и склонностяхъ; разорванная дружба дѣлается враждою, и тогда является противоположность въ наміреніяхъ и желаніяхъ. Всякая дружба, основанная на видахъ корысти, честолюбія и другихъ страстей легко разрывается и превращается во вражду. Только та дружба бываетъ постоянна, которая основана на правилахъ честности и добродѣтели.

б) Зависть есть то противонаправленное ощущеніе, которое возбуждаютъ въ насъ непріятныя намъ преимущества и счастье другаго. Къ ней склонны особенно тѣ, для которыхъ весьма много значить блескъ вѣшняго счастья, высокая порода, богатство, достоинства вѣшнія: почитая себя достойными того же счастья, они оскорбляются смотря на счастье другихъ,—завидуютъ. Зависть есть самая ядовитая зараза не только для души, но и для организма телѣснаго: оттого блѣдность и сухость завистливыхъ. Должно погашать ее при первыхъ ея появленіяхъ: иначе она, заразивъ все сердце, сдѣлается неизлѣчимою болѣзнію души. Тотъ, кто поставяетъ истинное счастье въ добродѣтели и спокойной совѣсти, а не во вѣшнихъ благахъ, навсегда свободенъ отъ этого адскаго недуга.

в) Злорѣчіе ищетъ въ другихъ всегда худой стороны и все доброе оставляетъ безъ замѣчанія. Оно большею частію соединено бываетъ съ слабостію разсудка, и потому обыкновеннѣе оазывается у женщинъ. Къ нему склонны отличающіеся остроуміемъ, которое очень нерѣдко бываетъ вмѣстѣ съ легкомысліемъ. И злорѣчіе для одного удовольствія—показать свое устроуміе—весьма вредно не только для чести другихъ, но и для нравственности злорѣчиваго: оно притупяетъ въ немъ чувство добра и совѣмъ погашаетъ любовь къ ближнему. Еще болѣе преступно то злорѣчіе, которое происходитъ отъ зависти, а въ высшей степени, оно есть слѣдствіе зложел-

тельности. Впрочемъ, должно отличать отъ злорѣчія критику, которая выставляетъ дѣйствительные пороки другихъ, съ намѣреніемъ ихъ исправить и въ предостереженіе другимъ. Благоразумная критика всегда отличаетъ пороки отъ самаго лица и преслѣдуетъ первый, а не послѣдній, между тѣмъ какъ злорѣчіе всегда вооружается противъ самаго лица.

г) Злорадованіе есть преступная радость, которую чувствуютъ отъ зла, постигающаго другихъ. Радуются, большею частію, когда видятъ недостойныхъ, ниспадающихъ съ высшей степени, жестокаго богача, теряющаго имѣніе, врага своего, уловяемаго сѣтми, которыя онъ ставилъ другимъ. И эта радость противна истинной любви къ ближнему. Но еще противнѣе ей то, когда радуются несчастію человѣка невиннаго, паденію людей достойныхъ уваженія, бѣдѣ другаго, хотя онъ не врагъ намъ. Это высшая степень злости и относится къ зложелательности.

Виды зложелательности.

Зложелательность выражается наиболѣе а) клеветою, б) жестокостію, в) непримиримостію.

а) Клевета грубая вымышляетъ ложные факты, а подлиннымъ дѣйствіямъ другаго придаетъ худыя побужденія. Такая клевета можетъ быть отражена и изобличена въ злоумышленіи. Но есть клевета тонкая, которая не вымышляетъ фактовъ, а искуснымъ образомъ выставляетъ дѣйствительные поступки другаго въ такомъ видѣ, что каждый легко припишетъ ему худыя свойства и намѣренія. Эта клевета не преслѣдуется законами, но она еще противнѣе нравственности, потому что она коварнѣе.

б) Если ненависть и вражда до того усиливаются, что возбуждаютъ всѣ силы враждующаго лица противъ другаго;

тогда происходит то злое напряженіе воли, которое называется мстительностію. Поводомъ къ нему служатъ сильныя страсти, когда онѣ бывають оскорблены другимъ. Но есть мщеніе необдуманное и обдуманное. Первое бываетъ слѣдствіемъ гнѣва, вспыльчивости, и сопровождается послѣ раскаяніемъ, а иногда и примиреніемъ. Другое не способно къ раскаянію и сдѣлавъ зло другому, ощущаетъ отъ того злобную радость. — Единственное, одобряемое закономъ нравственнымъ, мщеніе состоитъ въ томъ, чтобъ поступить со врагомъ великодушно и побѣдить зло его добромъ.

в) Непрямая вражда есть непрестанное желаніе мщенія и отверженіе всякаго мира. Ничто столько не оскорбляетъ чувство нравственное и самое чувство религіи, какъ такая злость. Она погашаетъ все доброе, дѣлаетъ даже неспособнымъ челоуѣка къ добру и склоннымъ ко всякому злу. Противъ этого зла должно искать средствъ не въ однихъ правилахъ правоученія, но преимущественно въ религіи. Кто можетъ поставить себя предъ лице Небесной благости и милосердія, тотъ почувствуетъ, какъ противно этой благости его жестокосердіе и сколь недостойны тотъ прощенія предъ Богомъ самъ, кто не хочетъ простить другаго.

Б. О должностяхъ общежительныхъ.

Кромѣ общихъ должностей къ другимъ, опредѣляемыхъ понятіемъ о достоинствѣ природы человѣческой, челоуѣкъ имѣетъ еще особенныя должности, опредѣляемыя особенною цѣлью общества, въ которомъ онъ живетъ. Если эта цѣль согласна съ закономъ нравственнымъ, если она есть истинное благо для челоуѣчества; то каждый членъ общества обязанъ благо общее предпочитать своему благу частному. Такого рода общества суть: а) семейственное, б) гражданское и в) церковное.

а) **Должности семейственныя.**

Должности супругов.

Первая изъ нихъ есть должность супруговъ. Цѣль брака есть умноженіе рода и взаимная ближайшая помощь въ потребностяхъ жизни человѣческой. Сообразно съ сямъ супругамъ причествуютъ какъ взаимныя права въ отношеніи одного къ другому, въ отношеніи къ собственности, воспитанію дѣтей и содержанію дома, такъ и взаимныя къ тому обязанности. Жена, хотя во внѣшнихъ отношеніяхъ не имѣетъ самостоятельности, но въ домашнемъ обществѣ она пользуется полнымъ правомъ какъ и мужъ, будучи его совѣтницею, другомъ и помощницею, какъ главы семейства. Если мужъ преимуществуетъ ясностію разумѣнія и силою воли, то жена имѣетъ большую силу чувства, что также нужно для совершенства человѣческаго. И если чувство жены составить посредство между умомъ и волею мужа, согрѣвая первый и умѣряя силу послѣдней, то происходитъ та гармонія между ними, которую называютъ супружескимъ счастьемъ. Обязанность супруговъ вообще: сохранять взаимную супружескую вѣрность, принимать участіе въ радостяхъ и скорбяхъ другъ друга, заботиться одинъ о другомъ въ болѣзняхъ, помогать одинъ другому во всѣхъ семейныхъ трудахъ, особенно же при воспитаніи дѣтей. Взаимная вѣрность ихъ должна быть такова, чтобъ не подавать повода не только къ юридическому, но и нравственному разрыву брака. Высшій долгъ добродѣтели требуетъ, чтобъ они сохраняли супружескую вѣрность и тогда, когда бы охладѣла ихъ любовь, и самое уваженіе одного къ другому было бы потеряно.

Должности родителей и дѣтей.

Долгъ родителей воспитывать дѣтей своихъ такъ, чтобы они были нравственно добрыми и полезными для общества.

При воспитаніи должны они обращать вниманіе сначала на силы тѣла, потомъ на способности душевныя и на сердце, и вселить въ дѣтей не страхъ и рабское повиновеніе, а любовь и довѣренность къ родителямъ, — такія чувства, которыя соединяютъ родителей и дѣтей узами самыми сладостными и неразрывными. Вредны какъ излишняя строгость, которая дѣляетъ дѣтей лицемѣрами и подавляетъ ихъ природныя способности, такъ и излишнее послабленіе и пристрастіе къ дѣтямъ, отъ чего укореняются въ нихъ самыя вредныя склонности. Самое лучшее воспитаніе то, когда родители сами бываютъ для дѣтей примѣромъ чистой и благочестивой жизни. Впрочемъ, если сами они не могутъ дать имъ хорошаго воспитанія, то обязаны поручить ихъ на воспитаніе другимъ. Когда дѣти достигнутъ совершеннаго возраста, родители не должны имъ препятствовать въ избраніи рода жизни и супружества, а также и удерживать ихъ, противъ ихъ воли, въ своей зависимости.

Со стороны дѣтей требуется любовь, уваженіе, повиновеніе и благодарность къ родителямъ. Долгъ ихъ не забывать родителей въ случаѣ старости ихъ и бѣдности, и сохранять къ нимъ все должное уваженіе, хотя бы они сдѣлались несравненно выше своихъ родителей, по состоянію или званію.

Должности сродниковъ.

Лица соединенныя узами родства состоятъ въ ближайшемъ отношеніи взаимномъ. Если они живутъ въ одномъ семействѣ, то, какъ члены его, они обязаны сохранять общее его благо. Если составляютъ особыя семейства, то должны оказывать особенное уваженіе къ старшему въ родѣ, сохранять честь своего рода и брать ближайшее участіе, нежели посторонніе, въ благѣ своихъ родственниковъ и при всякомъ случаѣ вспомоществовать имъ. Но они не имѣютъ права вмѣшиваться во внутрен-

нiя семейственныхъ обстоятельствъ своихъ родственниковъ; напр. препятствовать воспитанiю и супружеству дѣтей. Притомъ общенiе родственное не должно превращаться въ духъ партiй и производить nepотызмъ, столь вреднаго для общественной жизни.

Должнoсти гoспoдъ и слугъ.

Отношенiе гoспoдъ къ слугамъ должно быть опредѣляемо не столько строгостiю права, сколько долгомъ нравственнымъ. Не довольно доставлять служителямъ пищу, не обращаться съ ними съ жестокостiю, но надлежитъ по возможности облегчать ихъ труды, заботиться о ихъ здоровьи и благѣ нравственной, исправлять ихъ недостатки терпѣливо, а вѣрную и долговременную службу награждать щедро и великодушно. Тамъ гдѣ служебное состоянiе превращено въ рабское, долгъ честнаго гoспoдина неправильное гoспoдство превращать въ правильное, которое бы давало служителямъ возможность пользоваться правами гражданскими.

Обязанность слугъ исправлять служенiе свое со всею вѣрностiю и усердiемъ, служить гoспoдамъ не изъ одного страха, а съ готовностiю любви и уваженiя къ нимъ, какъ къ своимъ благодѣтелямъ, и хранить не только собственнoсть ихъ, но и честь ихъ фамили.

О дружествѣ.

Дружество различается отъ любви тѣмъ, что первое основано болѣе на согласiи намѣренiй и душевныхъ свойствъ, а послѣдняя на согласiи чувствованiй и склонностей. Дружество не есть только знакомство или сотоварищество, которое можетъ быть и у людей порочныхъ, но есть взаимная мѣна мыслей и желанiй, живое участiе въ благѣ другаго, съ готов-

ностию на всякія пожертванія въ пользу друга. Потому истинное дружество, постоянное и неразрывное, возможно только между добродѣтельными. Долгъ друга быть безкорыстнымъ, честнымъ, уважать добрыя качества своего друга безъ лести и исправлять погрѣшности его безкорыстно и съ осторожностію. Если другъ нашъ выше насъ состояніемъ или званіемъ, то иначе должно обращаться съ нимъ въ жизни общественной, иначе въ жизни домашней, гдѣ между друзьями исчезаютъ всё преимущества и неровности.

б) **Должности гражданина.**

О должностяхъ и добродѣтеляхъ гражданина вообще.

Человѣкъ, сознавая себя гражданиномъ, или членомъ общества гражданскаго, сыномъ отечества, съ тѣмъ вмѣстѣ сознаетъ самый обширный кругъ своей дѣятельности и высшія обязанности. При такомъ только сознаніи возможно человѣку быть истиннымъ человѣкомъ, достигать совершенства нравственнаго и имѣть высшія добродѣтели. Въ гражданскомъ обществѣ отрывается любовь къ отечеству, самое благородное и высокое чувство въ человѣчествѣ, любовь, которой уступаетъ всякая другая любовь—къ себѣ самому и къ ближнимъ, любовь къ семейству, къ роднымъ и друзьямъ. Всякая добродѣтель здѣсь можетъ восходить до высокой степени чистоты и совершенства. Здѣсь есть особенныя добродѣтели, которыя составляютъ главные свойства наилучшаго гражданина: таковы—**праводушіе** и **великодушіе**.

О праводушіи.

Праводушіе не есть одна справедливость въ дѣйствіяхъ: въ немъ соединяется и правда чувствованій и намѣреній и правда дѣйствій. Праводушный выше всѣхъ склонностей, а

потому выше человѣка благодѣтельнаго, которому всегда болѣе или менѣе способствуютъ склонности естественныя. Онъ дѣлаетъ законное не смотря на то, доставляетъ ли это другимъ удовольствіе или неудовольствіе. Мужъ благодѣтельный, служа счастію другихъ, хотя бы жертвовалъ для нихъ благомъ собственнымъ, еще не можетъ быть совершенно увѣренъ въ томъ, что дѣйствія его приносятъ другимъ пользу нравственную; но человѣкъ праводушный всегда въ томъ увѣренъ, потому что благо порядка законнаго несомнѣнно, потому что ничего нѣтъ выше блага общаго, для котораго онъ всѣмъ жертвуетъ.—Къ праводушію относятся: а) *честность*, б) *правосудіе* и с) *благодушіе* (aequitas).

а) *Честный* гражданинъ есть тотъ, который вѣренъ не одной буквѣ закона гражданскаго, но проникнуть его духомъ, который вѣренъ и въ словахъ и дѣлахъ своихъ и тогда, когда за нарушение этой вѣрности не можетъ быть взысканія ему по закону. Онъ всякое данное слово или обѣщаніе свое почитаетъ священнымъ, сознавая, что онъ даетъ его своему согражданину, и чувствуя, что этой честности требуетъ честь и польза его отечества.

б) *Правосудіе* преимущественно усвоется высшимъ гражданамъ, судіямъ и начальникамъ. Но и всякій добрый гражданинъ долженъ быть правосуднымъ, имѣть ясное понятіе о законахъ справедливости и глубокое постоянное къ нимъ уваженіе, долженъ свято хранить ненарушимость законовъ отечественныхъ, и оказывать имъ уваженіе не только въ словахъ, но и на самомъ дѣлѣ, всегда, когда требуютъ его мнѣнія, защиты, противъ обидъ, совѣта, помощи. Онъ долженъ быть въ такихъ случаяхъ совершенно безкорыстенъ и безпристрастенъ.

с) Гражданинъ *благодушный* соглашаетъ любовь къ чело-
вѣчеству съ уваженіемъ къ закону. Онъ не нарушая свя-

тости закона умѣряетъ въискательность своихъ правъ, смягчаетъ и законные приговоры, какъ скоро самъ законъ даетъ ему къ тому право, но смягчаетъ не побуждаясь какою либо страстію, а изъ побужденій добродѣтели: виѣшнюю законность смягчая законностію внутреннею.

О великодушій.

Великодушіе состоитъ вообще въ возвышенномъ образѣ мыслей, чувствованій и дѣйствій. Оно оказываетъ себя въ важнѣйшихъ случаяхъ великими пожертвованіями, самоотверженіемъ, дѣйствіями не только высшими склонностей, но и противными имъ, если они согласны съ добродѣтелію, или лучше съ самою волею Божіею. Истинно великъ только тотъ, кто полагаетъ главнымъ концемъ своихъ дѣйствій исполненіе все-святой воли Царя небеснаго. Потому къ великодушію относимъ мы, кромѣ а) *геройскаго мужества*, б) *благородства*, еще и с) *благочестіе*.

а) *Мужество* оказываетъ себя въ препобѣжденіи препятствій, или, когда они непреодолимы, въ великодушномъ терпѣніи. При всякой печальности это есть *присутствіе духа*, при видѣ опасностей, — *безболезненность*, въ дѣйствіи противъ нихъ, — *отважность* и *храбрость*, при стеченіи недоумѣній, — *рѣшительность*. Если оно властвуетъ надъ чувственностію и страстями: это *власть надъ собою*, по которой мужественный человѣкъ для высшаго блага отказывается себѣ въ удовольствіяхъ, къ которымъ склоненъ отъ природы, воздерживаетъ гнѣвъ, досаду, зависть, влерекъ своему темпераменту, терпѣливо переноситъ болѣзни, страданія, гоненія, насмѣшки и другія самыя тяжкія испытанія. Несправедливо приписываютъ мужество тѣмъ людямъ порочнымъ, которые имѣютъ во злѣ непреклонную волю. Величайшее раз-

личіе—дѣйствовать подѣ управленіемъ страстей, и дѣйствовать для одной добродѣтели. Того должно почитать самымъ высшимъ героемъ, кто, побѣдивъ себя самого, побѣждаетъ невѣжество, предрасудки и пороки другихъ истинною и добродѣтелию.

в) *Благородство* есть также мужество, но соединенное съ формою изящною, заслуживающее не только удивленія, но и любви. Если великодушный прощаетъ своихъ враговъ, если онъ простираетъ руку помощи своему злодѣю и если съ самыми недостойными и презрѣнными людьми обращается снисходительно, благолюбиво, то онъ истинно благороденъ и высокъ, хотя бы по рожденію или состоянію своему былъ весьма низокъ. Такой характеръ невольно привлекаетъ къ себѣ глубокое уваженіе и любовь, которая всегда искреннѣе нежели то уваженіе и любовь, какія оказываютъ многіе талантамъ и отличіямъ.

с) Великодушный называется *благочестивымъ*, когда онъ при всѣхъ превратностяхъ судьбы бываетъ непоколебимъ въ упованіи на Бога, и при всѣхъ соблазнахъ, при разливѣ нечестія и разврата остается вѣрнымъ закону Божию и чистымъ душею. Такая возвышенность и твердость духа есть свойство гражданина небеснаго, которое непременно должно вѣнчать всѣ добрыя свойства гражданина земнаго, дабы онъ былъ истинно великимъ и совершеннымъ. Для великодушія благочестиваго, нѣтъ и награды на землѣ: его лучшая награда состоитъ въ исполненіи воли Отца небеснаго, лучшее утѣшеніе—въ упованіи на промыслъ Его.

О должностяхъ состояній.

Общая обязанность всѣхъ состояній въ гражданскомъ обществѣ—способствовать общему благу отечества, дабы каждое вѣрно приносило ему пользу по роду своему, подобно

тому, какъ каждая часть органическаго тѣла выработываетъ матерію питающую все тѣло. Въ этомъ отношеніи всѣ состоянія въ гражданскомъ обществѣ достойны уваженія, нѣтъ между ними ни одного презрѣннаго или маловажнаго. Тѣ состоянія, которыя почитаютъ самыми низшими, въ самомъ дѣлѣ суть самыя полезныя и необходимыя для общества, если только они хорошо устроены и состоятъ подъ благодѣтельнымъ вліяніемъ состояній высшихъ. Но какъ порядокъ есть душа общества; то ни одно состояніе не должно предвосхищать правъ другаго, не стѣснять ихъ, не препятствовать другому въ исполненіи его обязанностей. Дѣятельность каждаго состоянія въ своей сферѣ, согласуемая съ дѣятельностію другихъ посредствомъ общаго управленія законной власти, есть необходимое условіе общественнаго благосостоянія и необходимое средство къ совершенству.

Обязанности низшаго класса.

Состояніе низшаго класса гражданъ есть такое состояніе, отъ котораго зависитъ продовольствіе и вещественная жизнь общества, такъ какъ отъ высшихъ состояній наиболѣе зависитъ жизнь его нравственная. Потому обязанность его—безропотно и терпѣливо нести тягости, необходимыя для содержанія всего общества гражданскаго, свято уважать правительство и ему повиноваться. Важное преступленіе, если подчиненные дерзаютъ судить свое начальство. Тамъ, гдѣ они не видятъ ясно побужденій, производящихъ начальственныя распоряженія, долгъ ихъ всегда предполагать самыя лучшія, благонамѣренныя причины и усердно выполнять начальническія предписанія. Если бы даже въ самомъ дѣлѣ было видно худое распоряженіе, то и въ такомъ случаѣ всегда лучше ему повиноваться, потому что и самое худое управленіе несравненно лучше, нежели никакое, самый деспотизмъ лучше безначалія.

Обязанности состоянія воинскаго.

Состояніе воинское, необходимое для сохраненія безопасности отечества внѣшней и внутренней, обязано наиболѣе сохранять самую строгую подчиненность; ибо отъ нарушенія этой подчиненности произошло бы самое важнѣйшее зло общее, именно, вышло бы совершенно противное тому, къ чему это состояніе предназначено. Притомъ, какъ войны привычны къ отважнымъ, непріятельскимъ дѣйствіямъ на полѣ брани, легко могутъ повторять подобныя дѣйствія и въ самомъ отечествѣ, то на нихъ лежитъ еще та обязанность, чтобъ быть тѣмъ мирнѣе и спокойнѣе въ обхожденіи съ мирными гражданами, чѣмъ вообще менѣе имѣютъ къ нимъ довѣренности. Состояніе воинское менѣе всего должно выѣшиваться въ дѣла правитель-ства гражданскаго; его долгъ вспомоствовать ему въ случаѣ нужды и по указанію власти законодательной, верховной.

Обязанности состоянія художниковъ.

Въ гражданскомъ обществѣ есть состояніе, которое исключительно занимается тѣмъ, чтобы въ произведеніяхъ искусственныхъ осуществлять идею изящнаго, дѣйствовать непосредственно на чувство, облагораживать его, доставлять ему предметы самые достойные, наилучшіе: это состояніе художниковъ. Искусство дѣйствуя на чувство, чрезъ него дѣйствуетъ и на всѣ прочія способности души. Цѣль его есть гармонія понятій и чувствованій съ высшими потребностями духа. Потому всѣ его произведенія должны приближаться къ красотѣ нравственной, которая одна истинно облагораживаетъ чувство и дѣлаетъ сердце способнѣйшимъ къ воспріятію добра нравственнаго.

Обязанности состоянія ученыхъ.

Состояніе ученыхъ главнымъ предметомъ своимъ имѣетъ истину. Оно сохраняетъ все что извѣстно изъ опыта и наблю-

дений, и что въ области знаній построено по системамъ и началамъ. Долгъ его исправлять прежде познанное, приводить то въ порядокъ, обогащать новыми познаніями и открытіями, а также посредствомъ ученія распространять познанія въ пользу и для практическаго употребленія другихъ. Высшая же цѣль его та, чтобъ ученіемъ руководить людей къ совершенству нравственному. На этомъ основаніи, каждый ученый долженъ питать чистую любовь къ истинѣ, быть свободнымъ отъ предразсудковъ, избѣгать ненужныхъ споровъ, не быть славолюбивымъ и завистливымъ къ успѣхамъ другихъ. Занимаясь какою либо отдѣльною наукою преимущественно, онъ долженъ изслѣдывать ея начала и стараться не только усвоить себѣ то, что къ ея совершенству сдѣлано другими, но и о томъ, чтобъ самому принести посильную дань на алтарь истины. Наконецъ долгъ его—ученіе свое подтверждать жизнью, безъ чего оно не будетъ достигать своей цѣли, не заслужитъ любви и уваженія у другихъ.

Обязанности начальства.

Тѣмъ выше требуется совершенство въ образованіи умственномъ и нравственномъ, тѣмъ высшую кто занимаетъ степень въ гражданскомъ обществѣ. Такое совершенство требуется особенно отъ высшихъ правителей. Долгъ ихъ совершенно знать цѣли правленія и средства къ ихъ достиженію, и въ употребленіи этихъ средствъ имѣть всю ревность и благоразуміе, руководиться чистою любовію къ благу общему, къ совершенству человѣчества. Притомъ они должны быть по правамъ своимъ совершеннымъ образцомъ для подчиненныхъ, образцомъ не только въ жизни общественной, но и домашней. Нигдѣ столь не примѣтны и столь не соблазнительны пороки, какъ въ состояніяхъ высшихъ.

Начальства подчиненныя должны служить примѣромъ уваженія и повиновенія законамъ, наблюдать вѣрность, точность и благоразуміе въ исполненіи своихъ должностей. Въ отношеніи къ высшимъ начальствамъ обязанность каждаго начальства—сохранять усердіе и ревность въ исполненіи ихъ предписаній, откровенность, вѣрность и ясность въ представленіяхъ; въ отношеніи къ низшимъ мѣстамъ—бдительный надзоръ, въ предписаніяхъ къ нимъ точность, ясность, законную основательность, въ сужденіяхъ безпристрастіе.

О должностяхъ въ Богу.

О религіи.

Каждый понимающій себя и свое назначеніе въ мірѣ нравственномъ сознаетъ и свои отношенія къ Богу, какъ Творцу, Промыслителю всего и верховному Правителю существъ разумныхъ. Это сознаніе приводитъ насъ къ религіи, или богопознанію и богочитанію. Хотя всѣ нравственныя обязанности наши, какъ законъ Божій, могутъ быть отнесены къ религіи въ смыслѣ пространномъ, но есть и должны быть дѣйствія богочитанія особенныя, которыя составляютъ религію въ смыслѣ тѣснѣйшемъ и болѣе употребительномъ. Потому есть особенныя обязанности наши по отношенію къ Богу, и онѣ должны быть предметомъ нашего правоученія. Безъ нихъ ученіе о добродѣтели не можетъ назваться полнымъ. Ибо 1) самый основный законъ добродѣтели необходимо предполагаетъ идею о Богѣ, какъ источникѣ законовъ нравственныхъ; 2) добродѣтель безъ религіи не имѣла бы чистаго и дѣйствительнаго побужденія; 3) не имѣла бы высочайшаго образца нравственнаго совершенства; 4) не находила бы ни

въ насъ самихъ, ни внѣ насъ, во всемъ мірѣ, главной цѣли или средоточія для своего успокоенія, средствъ къ истинному счастью; б) имѣя нѣкоторый успѣхъ, она вела бы насъ къ стоической гордости, а не видя успѣха, не имѣла бы достаточной силы для сохраненія себя среди страстей, бѣдъ и искушеній.

Какъ человѣкъ состоитъ изъ духовной природы и тѣлесной, то и богопочтеніе его должно быть двояко: внутреннее и внѣшнее. Первое состоитъ въ благочестивыхъ дѣйствіяхъ разума и сердца, а второе—въ благоговѣйныхъ дѣйствіяхъ наружныхъ.

а) О богопочтеніи внутреннемъ.

Главные принадлежности или главные добродѣтели богопочтенія внутренняго суть: 1) вѣра въ Бога, 2) страхъ Божій, 3) любовь къ Богу и, 4) упованіе на Бога.

1. Вѣра въ Бога.

Первое условіе богопочтанія есть *вѣра въ Бога*. Сознаніе высочайшей премудрости въ порядкѣ и законахъ міра, святости въ законахъ нравственныхъ, безконечной благости—во всѣхъ твореніяхъ, чувство непостижимаго и таинственнаго во всемъ, что познаемъ въ себѣ и внѣ насъ, исполняютъ духъ нашъ тою увѣренностію, что есть высочайшій Творецъ и Промыслитель міра какъ физическаго, такъ и нравственнаго. Отъ этой увѣренности, когда она не есть только одно понятіе, а вмѣстѣ ощущеніе сердца и побужденіе воли, происходятъ всѣ добродѣтели, которыя составляютъ благочестіе, и слѣдовательно вѣра въ Бога есть основаніе всѣхъ добродѣтелей. Ближайшимъ образомъ происходитъ изъ нея *вѣра въ откровеніе*. Вѣруя въ Бога, какъ верховнаго Царителя міра нравственнаго, но и сознавая недостаточность силъ нашихъ для

достиженія совершенства нравственнаго, мы естественно приходимъ къ той мысли, что есть надежнѣйшее средство для просвѣщенія нашего разума и для возбужденія нашей воли, — есть *откровеніе*. Оттого у всѣхъ народовъ вмѣстѣ съ вѣрою въ Бога всегда была и есть вѣра въ божественное откровеніе. Такимъ образомъ для разума открывается непремѣнная обязанность искать этого откровенія, а, найдши откровеніе истинное, пояснять и исправлять имъ собственныя понятія въ дѣлѣ религіи и нравоученія.

2. *Страхъ Божій.*

Совѣсть всегда напоминаетъ намъ о верховномъ судилѣцѣ Божіемъ. Сознавая же присутствіе всемогущаго и все-святаго Свидѣтеля и Судии всѣхъ дѣлъ нашихъ, мы не можемъ не чувствовать глубочайшаго благоговѣнія предъ Нимъ, — страха Божія. Справедливо говорятъ, что это есть начало и совершеніе истинной мудрости. Если эпикуреецъ изъ своего нравоученія изгоняетъ страхъ Божій, дабы не повредить своей системѣ удовольствія, то истинный философъ непремѣнно долженъ положить этотъ страхъ въ основаніе ученія о добродѣтели, дабы утвердить ее и дать ей духъ истинной жизни. Страхъ Божій открываетъ намъ вины наши предъ Богомъ и побуждаетъ насъ къ покаянію. Страхъ Божій научаетъ насъ смиренію при всѣхъ добродѣтеляхъ нашихъ. Такимъ образомъ онъ есть и начало и совершеніе добродѣтелей. Какъ сознаніе грѣховъ всѣмъ намъ общо, такъ общій же долгъ нашъ есть покаяніе. Но дабы покаяніе наше было истинно, нужно, чтобъ оно состояло не въ словахъ только, а въ дѣлахъ, нужно, чтобъ оно вело насъ къ дѣйствительному исправленію насъ самихъ. Истинное покаяніе есть совершенное обращеніе съ пути порока на путь добродѣтели, и для того не щадитъ никакихъ пожертвованій; истинно кающійся не отказываетъ себѣ въ

томъ, къ чему влекутъ его любимыя его склонности, и для вознагражденія зла готовъ переносить всякаго рода лишенія, неудовольствія, труды и скорби.

3. *Любовь къ Богу.*

Дабы страхъ Божій не былъ страхомъ рабскимъ, нужно, чтобъ онъ соединенъ былъ съ любовію къ Богу. Любовь къ Богу есть такое благоговѣйное расположеніе духа нашего, при которомъ мы умомъ и сердцемъ предпочитаемъ Бога, какъ высочайшее благо, всякому благу, стараемся благоугождать Ему и стремимся соединиться съ Нимъ вѣчно. Это не есть чувство психологическое, но не есть и одно, какъ полагаютъ рационалисты, уваженіе къ безконечному достоинству Божию, безъ живаго чувства сердечнаго: такое уваженіе есть болѣе страхъ, нежели любовь. Спрашиваютъ: можетъ ли любовь быть долгомъ? Если бы она была слѣдствіемъ одной естественной склонности (инстинктуальна), или была чувствомъ психологическимъ; то дѣйствительно не могла бы быть долгомъ: но истинная любовь къ Богу и начинается отъ свободнаго поставленія себя въ благоговѣйное отношеніе къ Нему, и въ дѣйствіяхъ своихъ не исключаетъ свободы, а еще болѣе возвышаетъ и распространяетъ кругъ ея, а потому есть долгъ, и при томъ первый и важнѣйшій.

4. *Упованіе на Бога.*

Любовь къ Существому всеблагому и высочайшему должна соединяться съ совершенною преданностію Его волѣ и твердымъ упованіемъ на промыслъ Его. Любящій Бога знаетъ и увѣренъ, что премудрость высочайшая все ведетъ къ наилучшей цѣли, что она противодѣйствуетъ самому злу нашему и можетъ изъ всего извлекать для насъ благо. Потому, при всякомъ несчастіи, онъ обращаетъ взоръ свой къ небу, чув-

ствуется сильную тоску по горнемъ отечествѣ, и предааетъ судьбу и волю свою Вседержителю. Въ самой смерти видитъ онъ освобожденіе свое изъ темницы, и не страшится ея приближенія. Впрочемъ, уповая во всемъ на Бога, онъ не остается празднымъ, недѣйтельнымъ зрителемъ произшествій. Онъ различаетъ зло неизбѣжное, неотвратимое, и зло, которое можно и должно отвращать или уменьшать собственными силами нашими. Такъ, если распространяется порокъ и развратъ, истинный читатель Бога не можетъ быть спокойнымъ зрителемъ этого зла, тѣмъ менѣе можетъ сказать, что это опредѣленіе Божіе. Тогда онъ всѣми возможными средствами старается побѣждать усиливающееся зло и споспѣшествовать общему благу.

Любовь къ Богу и упованіе на Него побуждаютъ человѣка чаще возносить мысли и чувства свои къ Богу и такимъ образомъ рождаютъ *молитву*. Ибо въ существѣ своемъ молитва есть не иное что, какъ благоговѣйное возношеніе ума и сердца къ Богу, хотя обыкновенно соединяется она и съ благочестивымъ словомъ къ Богу, т. е. внутренняя молитва рождаетъ наружную. Итакъ напрасно сомнѣваются въ необходимости молитвы. Это значитъ сомнѣваться въ томъ, должно ли намъ обращать умъ и сердце къ Богу. Молитва есть потребность духа нашего, столько же ему свойственная, какъ и стремленіе къ соединенію съ Богомъ.

б) О богопочтеніи внѣшнемъ.

Всѣ истинные читатели Бога, соединяясь духомъ въ одномъ царствѣ Божіемъ, составляютъ тѣмъ единую невидимую церковь. Но для лучшаго одушевленія своихъ благочестивыхъ чувствованій и сообщенія ихъ другимъ, они обязаны общеніе свое изъяслять и внѣшно: должны составлять церковь видимую. Эта церковь должна ближайшимъ образомъ выражать духъ не-

видимой; но необходимо должна имѣть и постановленія ей свойственныя. Церковь невидимая имѣетъ одного невидимаго правителя—Бога, но общество видимое требуетъ и видимыхъ правителей. Невидимая церковь служитъ Богу духовно, внутренно; видимая имѣетъ нужду въ видимомъ, общественномъ богочтении, или *богослуженіи*. Здѣсь необходимы а) благочестивыя собранія и священныя обряды, б) священныя времена и мѣста, в) священныя лица.

а) *Благочестивыя собранія и священныя обряды.*

Общественныя собранія для благочестивой цѣли весьма полезны и нужны для поддержанія и возвышенія въ обществѣ духа взаимной любви и благочестія. Потому посѣщать ихъ обязаны не только простой народъ, но и самые просвѣщеннѣйшіе люди. При семъ, какъ для напоминанія истинъ и обязанностей религіи, такъ и для возбужденія и возвышенія благочестія, необходимы священныя обряды, которые могутъ состоять или въ дѣйствіяхъ слова, или въ другихъ особенныхъ дѣйствіяхъ—церемоніяхъ. Къ первымъ относятся общественныя молитвы и поученія. Неправедливо говорятъ канціанцы, что молитва не есть долгъ, и что она можетъ быть только въ тѣхъ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда чувствованія сами собою изливаются въ словахъ. Всякое благочестивое размышленіе о Богѣ должно сильно дѣйствовать на сердце, и долгъ каждаго приводить себя въ такое состояніе. Чтеніе или слушаніе молитвъ есть также средство къ произведенію въ насъ благочестивыхъ чувствованій. Особенно оно полезно въ общественномъ богослуженіи, какъ достойное Бога жертвоприношеніе. Поученія общественныя суть средства просвѣщенія и наставленія въ предметахъ благочестія. Они необходимы для самихъ образованныхъ людей. Рѣдко сами себѣ говоримъ мы истину,

а потому чаще должны слышать ее отъ другихъ. Что касается до дѣйствій обрядовыхъ, то хотя разумъ не можетъ опредѣлять ихъ содержанія, но требуетъ вообще, чтобы они были достойны Бога и сообразны съ цѣлями благочестія. Общія свойства ихъ: простота и вмѣстѣ священная возвышенность. Они могутъ быть общія, приличные всѣмъ временамъ, и особенныя, сообразныя съ обстоятельствами и разными случаями жизни.

б) Священныя времена и мѣста.

Для благочестивыхъ собраній и священныхъ дѣйствій общественнаго богопочтенія нужны свои времена и свои мѣста священныя. *Священныя времена* не могутъ быть опредѣлены по разуму. Ихъ опредѣляютъ достопамятныя происшествія въ церкви и потребности общественныя и частныя. Лучше ли то, чтобы они были чаще, или то, чтобы они были рѣже? Тѣ собранія, которыя обязываютъ всѣхъ, не должны быть очень часты, дабы не отнимать у насъ времени для другихъ общественныхъ должностей, дабы не сдѣлать ихъ чрезъ то слишкомъ обремененными и тѣмъ не ослабить ихъ благотворнаго дѣйствія. Но должны быть собранія и частныя, ежедневныя, не обязывающія однакожъ всѣхъ и баждаго, открытыя для тѣхъ, которые имѣютъ возможность и усердіе часто бывать въ такихъ собраніяхъ. *Священныя мѣста* или храмы должны быть сообразны съ своимъ назначеніемъ, и потому допускаютъ особенное благолѣпіе и величественность. Сюда относятся преимущественно изображенія священныя, которыя напоминали бы намъ о Богѣ и дѣлахъ Его и возбуждали бы въ насъ благочестивыя чувствованія.

в) Священныя лица.

Священныя лица, или священнослужители, нужны какъ для порядка въ благочестивомъ обществѣ, такъ и по причинѣ

особенной важности священнодѣйствій, которыхъ нельзя исправлять всякому. Ихъ обязанности и права опредѣляются ихъ назначеніемъ, которое есть—быть вождями другихъ и представителями церкви. Потому имъ принадлежитъ ученіе религіи, совершеніе священныхъ обрядовъ и управленіе дѣлами церкви. Духовный пастырь есть болѣе, нежели учитель народа. Его долгъ—и просвѣщать умы, и улучшать нравственность, и возбуждать благочестіе и благоговѣніе своей паствы. Первое онъ долженъ дѣлать посредствомъ яснаго изложенія истинъ религіи въ поученіяхъ, второе—преимущественно своимъ примѣромъ доброй жизни, а третье—посредствомъ общественнаго священнодѣйствія.

